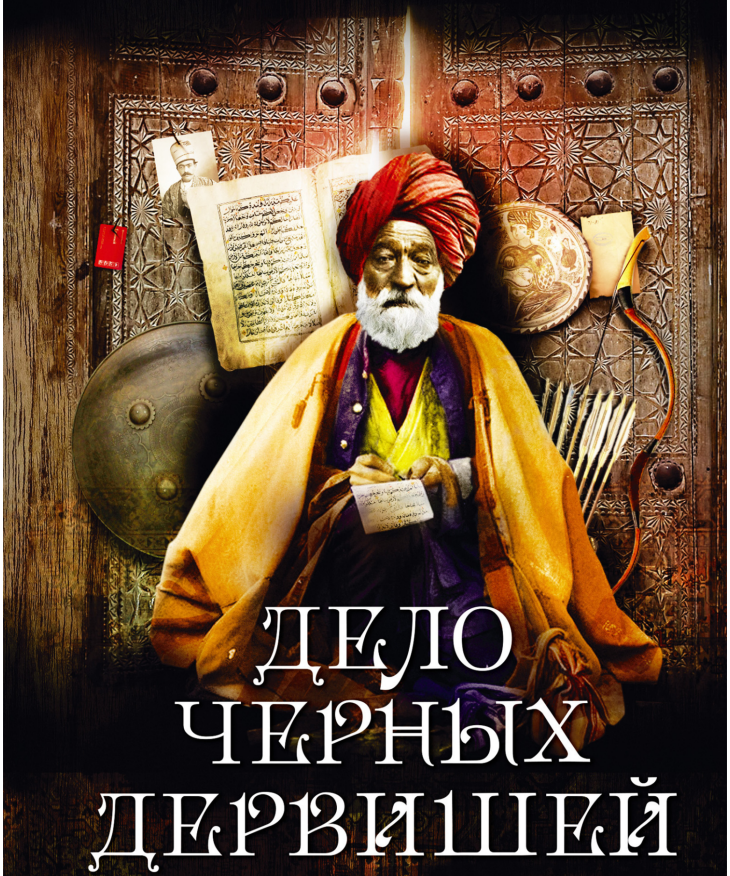
АНОНИМУС



ДЕЛО ЧЕРНЫХ ДЕРВИШЕЙ

АНОНИМУС
Дело Черных дервишей
Серия «АНОНИМУС», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68302757
2022
ISBN 978-5-6046712-1-4

Аннотация

2018 год. Москва. Старший следователь Орест Волин расследует дело, связанное с пропажей ценной копии Корана Усмана. Дело осложняется убийством похитителя. Волин приходит к выводу, что на самом деле вор должен был украсть оригинальный Коран Усмана, который является мусульманской святыней и как раз в эти дни был привезен из Ташкента в Петербург.

1923 год. Очередной дневник детектива Загорского рассказывает о поездке сыщика в Ташкент. В это же время из специального вагона, следующего из Уфы, происходит кража знаменитой мусульманской святыни – Корана Усмана. Предполагается, что Коран Усмана содержит в себе некие апокрифические суры и аяты, данные свыше пророку Мухаммеду, но изъятые из окончательной версии священной книги в связи с их опасностью для правоверных. Если Коран Усмана попадет в недобрые руки, это может разрушить

весь мусульманский мир. Загорский и его верный помощник Ганцзалин берутся за дело…

Содержание

Пролог. Старший следователь Волин 5
Глава первая. Наследие великого князя 30
Глава вторая. Московские гастролеры 47
Глава третья. Противник не по зубам 63
Глава четвертая. Жизнь и смерть красноармейца 79
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Анонимус. Дело Черных дервишей

Пролог. Старший следователь Волин

Покойник выглядел необыкновенно презентабельно.

Он лежал посреди комнаты на кровати, накрытый двумя покрывалами, белым и черным, руки его были сложены на груди, глаза закрыты, челюсть подвязана, чтобы не отпала и не испортила ощущения общего благолепия. Желтоватое лицо умершего, впрочем, составляло ощутимый контраст с внешним благообразием: оно было перекошено болью и страхом – очевидно, смерть его оказалась мучительной. Да и какой еще могла быть смерть человека, которого задушили тонким шнурком, о чем ясно говорила красно-коричневая странгуляционная борозда.

– Ассасины какие-то, – пробурчал старший следователь Орест Волин, отходя от кровати к двери и окидывая комнату быстрым взглядом. – Тебе не кажется, что во всем этом есть что-то странное?

– Не то слово, – с охотою отвечал судмедэксперт Загонов, чьи розовые младенческие щечки плохо сочетались с окла-

дистой черной бородой. – В первый раз вижу, чтобы убийца так заботился о жертве. Он же явно приготовил покойника к погребению.

Волин недовольно поморщился: речь не о том, хотя и это, конечно, весьма своеобразно. Но еще более странным казалось ему, что покойник лежит на кровати, а кровать…

– …стоит на полу, – догадливо подхватил Загонов.

Кровать стоит на полу, согласился следователь, потому что ни на потолке, ни на стене стоять она не может – об этом позаботился Исаак Ньютон, открывший в свое время закон всемирного тяготения. С тех пор все, что не стоит на земле или на полу, рано или поздно на них падает. И да, в их случае кровать стоит на полу, но вопрос не в этом. Вопрос в том, как именно она стоит?

Загонов посмотрел на кровать с покойником и по свойственной всем судмедэкспертам привычке сразу проницать суть вещей, отвечал:

– Криво стоит кроватушка.

Волин поднял палец вверх: совершенно верно, господа присяжные заседатели. Кроватушка стоит криво, но почему, дамы и господа, она так стоит?

– Так поставили, – не смутился великолепный Загонов. – У хозяина был плохой глазомер.

Однако эту блистательную версию Волин опроверг. Во-первых, сказал он, даже с очень плохим глазомером можно ошибиться градусов на десять, не больше, а тут кровать сто-

ит под углом в сорок пять градусов по отношению к стене. Во-вторых, раньше она стояла прямо – на полу остались следы от того, что ее передвигали.

– Наверное, в ходе борьбы сдвинулась, – предположил Загонов. – Жертва сопротивлялась удушению и сдвинула кровать.

Следователя, впрочем, не устроила и эта версия. Жертва не могла сопротивляться, потому что, судя по всему, на кровать ее укладывали уже мертвой. Из этого можно сделать вывод, что кровать, скорее всего, криво поставил убийца. И, если подумать, в этом, вероятно, есть какой-то символический смысл. Вот только думать Волину что-то мешало. Что-то назойливое и прилипчивое. Пару секунд он пытался понять, в чем же проблема, и наконец догадался – все дело в непривычных звуках. Мелодичные, но несколько заунывные напевы наполняли комнату, отвлекали его и сбивали с мысли.

– Выруби ты свой смартфон, – попросил он Загонова. – Музыка мешает.

Загонов удивился – его смартфон тут вообще не при чем, а музыка вон откуда идет. И судмедэксперт ткнул пальцем в небольшой цифровой проигрыватель, который стоял на тумбочке рядом с кроватью.

– Кто его включил? – сурово осведомился Волин.

Выяснилось, что никто не включал – проигрыватель уже работал, когда они прибыли на место преступдения. И это было любопытно.

– Любопытно – не то слово, – согласился старший следователь, прислушиваясь к напевам. – Как думаешь, какой это язык?

– Турецкий, наверное. Или арабский, – пожал плечами судмедэксперт. – Короче, что-то сильно восточное.

Главным специалистом в Следственном комитете по всему сильно восточному был подполковник Мустафа Алиев, в молодости закончивший Институт стран Азии и Африки. Послушав напевы через трубку телефона, он уверенно сказал:

– Это Коран. Сура тридцать шестая, «Йа Син». А что это вы, братцы, вдруг взялись за Священное писание?

Волин отвечал, что взялись они не сами, а исключительно волею пославшего их начальства. Узнав, что сура исполнялась рядом с телом покойного, подполковник Алиев присвистнул.

– Интересно, – сказал он. – Дело в том, что у шиитов тридцать шестая сура читается умирающему. Таким образом, покойник ваш не только мусульманин, но и, скорее всего, шиит. Или шиит тот, кто его убил.

– И что это нам дает? – спросил Волин.

– Откуда мне знать, это ж твое расследование, не мое, – отвечал Алиев и повесил трубку.

Загонов смотрел на Волина с сочувствием. Так оно всегда и бывает – обнаружится что-то необычное, а зачем и к чему оно – один Аллах знает.

– Ладно, – сказал Волин хмуро, – пора бы осмотреть квартиру.

– Осмотри сначала это, – посоветовал судмедэксперт и кивнул на большую коробку в углу. Когда следователь осторожно открыл коробку, глазам его представилось нечто невиданное – а именно небывалых размеров старинный Коран.

* * *

– В каком смысле – Коран? – не понял полковник Щербаков.

– В прямом, товарищ полковник, – молодцевато отвечал Волин. – Тот самый, который был дан пророку Муха́ммеду.

– Хочешь сказать, его сам Пророк написал? – не поверил Щербаков.

– Не совсем, – покачал головой следователь. – Мухаммед, как известно, был неграмотный, писать не мог, зато мог пересказывать.

Тут пришлось пуститься в некоторые объяснения – специально для начальства. По словам Волина, которые подтверждает и подполковник Алиев, и вся современная наука, Коран диктовал Мухаммеду не кто иной, как архангел Гавриил. И уже после этого Пророк пересказывал надиктованное своим соратникам, которые и записывали божественное откровение. Зять пророка Мухаммеда, третий халиф Усма́н

в VII веке собрал записи в одну книгу, выбросив те, которые казались ему сомнительными. Именно эта книга и стала считаться правильным Кораном, который чтит сейчас весь мусульманский мир. Всего при жизни халифа Усмана существовало шесть экземпляров великой книги. Пять разошлись по свету, а один остался у самого халифа. Согласно преданию, халиф был убит как раз, когда он читал свой экземпляр, и его кровь обагрила страницы священного фолианта. Именно этот окровавленный Коран и считается самым известным, это одна из великих святынь мусульманского мира.

– И ты, значит, его нашел при осмотре места преступления? – перебил полковник.

– Не так, чтоб буквально его, – скромно отвечал Волин. – Вообще-то сам Коран Усмана хранится в Узбекистане, в Ташкенте. Но в начале XX века, еще при Николае Втором, с оригинального свода были сняты пятьдесят копий. Они тоже разошлись по миру, но несколько экземпляров до сих пор хранятся в России. Есть копии в Государственном музее истории религии в Петербурге, один Коран находится в канцелярии Санкт-Петербургской Соборной мечети, один – в Центральном духовном управлении мусульман России.

– Понятно, – кивнул полковник несколько разочарованно, – выходит, ты нашел копию.

– Да, я нашел копию, – согласился Волин, – вот только не могу понять, какую именно. Я связывался с Петербургом и

с Духовным управлением мусульман России – их экземпляры на месте. Очевидно, убийца украл какую-то неизвестную копию, причем копию, неизвестную даже ученым.

Отличие найденной Волиным копии, по его словам, состояло в том, что она точно повторяла оригинал, вплоть до того, что на ней были такие же следы крови, которых на копиях начала XX века не было и быть не могло.

– Так, может, это все-таки подлинник? – спросил полковник.

– Очень интересная версия, – оживился Волин. – Тем более, что подлинник сейчас как раз находится в России. В Питере проходит Второй Международный конгресс «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами». В рамках этого конгресса узбеки как раз экспонируют Коран, обагренный кровью халифа Усмана.

– А это правда его кровь? – с некоторым, как показалось Волину, суеверным ужасом спросил полковник.

– Вопрос темный, – уклончиво отвечал старший следователь. – Верующие считают, что да. Ученые же полагают, что кровь была нанесена уже после смерти халифа. Но для нас это не так важно. Книга все равно древнейшая и ценнейшая. Вот только оригинальный Коран сейчас на выставке в Питере, я уточнил. А у нас здесь копия непонятного происхождения, в отличие от всех остальных, полностью идентичная оригиналу. И к копии этой прилагается труп неизвестного. В общем, теорема Ферма на религиозно-криминальной почве.

С минуту, наверное, полковник думал, наморщив лоб и бесшумно шевеля губами. Потом остро глянул на подчиненного. А что, спросил он, этот Коран Усмана и правда ценная штука? Волин отвечал, что, по его мнению, ценность его не уступает «Джоконде» Леонардо да Винчи. Вот только «Джоконда» – просто произведение искусства, пусть и очень ценное, а наш фолиант – это необыкновенной значимости духовная святыня.

– Тогда версия такая. – сказал Щербаков решительно. – Кто-то заказал похитить Коран Усмана во время конгресса в Питере. Вор украл книгу, привез ее в Москву. И тут, скорее всего, они не сошлись с заказчиком по деньгам, и заказчик просто грохнул вора, а книгу забрал так, без денег.

– Хорошая версия, – заметил Волин, – все подходит, кроме одного: никто Коран не забрал, он остался при убитом.

Полковник крякнул.

– Может, убийца просто его не нашел? – предположил он неуверенно.

Волин только головой покачал: не найти его было невозможно – квартира пустая, а сама книга лежит прямо в комнате. И это не иголка в стоге сена, а огромный толстенный том. К тому же, как они знают, при убитом был не подлинный Коран, а копия, пусть и старинная.

Щербаков почесал затылок.

– Тогда что выходит – случайное убийство, не связанное с похищением?

Волин скорчил скептическую физиономию. Случайное убийство тут точно не подходит. Убитого обрядили в похоронный костюм, положили головой к Мекке, запустили запись тридцать шестой суры, которая у шиитов связана с похоронным обрядом. Но Коран почему-то не взяли. По мнению Волина, все это очень похоже на какую-то демонстрацию…

– Ну, какая демонстрация, при чем тут демонстрация, – поморщился полковник. – Не суй ты здесь политику, у нас демократическая страна, у нас не может быть никаких демонстраций, потому что все права и свободы гражданам и так достаются совершенно бесплатно, по первому требованию.

Волин только отмахнулся – демонстрация не в смысле прав и свобод, а в смысле… ну, показательных действий, что ли. То есть такие своеобразные понты. Убили, а потом обрядили по всем правилам – типа, никуда не спешим, и ничего не боимся, а другим впредь будет наука.

– Странно это все, – пробурчал полковник. – И страннее всего, что копию все-таки не взяли. Если книга все равно в руках, почему не забрать?

Следователь тонко улыбнулся. У него на этот счет вот какая теория. Заказчик надеялся, что у него окажется именно подлинный Коран Усмана, привезенный в Петербург из Ташкента. Но реликвию так охраняют, что украсть ее – гораздо сложнее, чем украсть тоже ценную, но все-таки копию.

Вероятно, вор смог украсть только копию. Для убедительности он нанес на страницы копии краску, похожую на кровь…

– И попытался всучить ее заказчику вместо подлинника? – спросил полковник. – Ай молодец! Один вопрос: заказчик, что – дурак, и не отличит копию от оригинала?

Волин отвечал, что заказчик, может быть, просто криминальный человек, а не искусствовед. К тому же для тщательного исследования и атрибуции Корана нужно время. Видимо, на это и рассчитывал вор. Но увы, просчитался. Заказчик сразу раскусил его и отправил на тот свет. Притом с демонстративной помпой.

Полковник покивал: версия хорошая. Одно непонятно – чего ж заказчик копию не забрал, она ведь тоже ценная?

Ценная, но не слишком, отвечал Волин. Вообще-то для правоверного любой текст божественного откровения священен, хоть даже и на газетной бумаге напечатанный. Но Коран Усмана – это особенная духовная реликвия. И брать вместо нее копию – это то же самое, как, например, взять вместо «Джоконды» репродукцию, пусть даже очень хорошую. Заказчика интересовал именно оригинал, остальное ему не было нужно. Может быть, именно поэтому похитителя, который пытался заказчика обмануть, и наказали так жестоко, так демонстративно.

Полковник помолчал, потом поднял глаза на Волина.

– Ну, что ж, – сказал он, – что копию нашел, хвалю. Осталось решить два вопроса. Первый – выяснить, что это за ко-

пия такая и куда ее теперь девать. И второй, главный – отыскать убийцу. Записи с видеокамер у дома изъяли?

– Изъяли, – кивнул Волин, – буду работать. Правда, дом большой и народу там ходит много, так что потребуется некоторое время.

– А вот времени у тебя, милый друг, нет никакого, – отвечал полковник неожиданно жестко. – Убийца, скорее всего, иностранный гражданин. А это значит, что он в любой момент может отбыть за границу. И там уж нам его искать будет затруднительно… Так что давай, Орест Витальевич, веди расследование в срочном порядке.

Волин нахмурился: а если убийца уже выехал за кордон? И такое может быть, согласился полковник. Но вряд ли. Заказчик рассчитывал получить подлинный Коран Усмана. А такую ценность турист в чемодане за границу не вывезет. Тут пришлось бы дипломатическую почту задействовать. Так что вполне может быть, что он заранее билета и не купил. Может, он еще тут и думает, как бы ему все-таки подобраться к книге. И вот это-то время он, Волин, должен использовать максимально продуктивно.

* * *

– Легко сказать: максимально продуктивно, – злился Волин. – Особенно, когда времени дадено с гулькин хрен, то есть вообще нету!

Старший следователь сидел в гостиной у давнего своего знакомого, историка спецслужб генерала Сергея Сергеевича Воронцова, к которому явился за советом. Жалобы на жизнь он запивал чаем и заедал любимым воронцовским печеньем. Генерал, несмотря на свои девяносто без малого лет, по-прежнему сохранял ясность ума и величайшее хладнокровие.

– Ты, Орест Витальевич, не паникуй раньше времени, – сказал он задумчиво. – Тут требуется как следует поразмыслить.

– Только этим и занимаюсь круглосуточно, – огрызнулся Волин, – а толку чуть.

– Значит, надо поразмыслить еще и еще раз, – отвечал Воронцов, седые брови его сосредоточенно насупились.

Они умолкли на пару минут, каждый, видимо, думал о своем. Наконец Воронцов глянул на Волина и спросил, посмотрел ли он записи с камер видеонаблюдения? Тот отвечал уныло, что посмотрел, но одного просмотра тут мало, тут надо анализировать, а на это времени нет.

– Ну, во-первых, особое внимание надо обратить на иностранные физиономии, – сказал Воронцов. – Речь о мусульманах, следовательно, это должно быть что-то среднеазиатское, кавказское, турецкое, арабское и все в таком роде.

Волин хмуро кивнул – это он понять может. Вот только даже за отсмотренный период в дом вошли семь разносчиков пиццы – все из Средней, или, как теперь говорят, из Цен-

тральной Азии. Про гастарбайтеров-строителей он вообще молчит, в том подъезде сразу три квартиры ремонтируются.

– Все равно, это сужает круг поиска, – сказал генерал.

Волин только плечами пожал в ответ. Сужает, но не сильно. Конечно, проверить можно всех – но лишь при наличии времени. А его-то как раз у них и нет.

– Знаешь что, – немного поразмыслив, молвил Воронцов, – тебе надо отвлечься.

Волин посмотрел на него хмуро: как именно предлагает отвлечься товарищ генерал? В веселый дом поехать, к певичкам? Хозяин на это отвечал, что годы его не те – куда-то ездить: в его положении все к нему сами ездят, не исключая и певичек. Но у него несколько иное предложение.

С этим словами генерал вставил в проигрыватель диск и включил телевизор.

– Хочу показать тебе одну запись, – сказал он, комментируя темноватую картинку, возникшую на экране. – В 2012 году сделана.

– Откуда запись? – спросил Волин.

– С Волковского кладбища в Петербурге, – невозмутимо отвечал Воронцов. – Точнее, из православного храма при кладбище. Был такой Теодор Адамович Шумóвский, выдающийся арабист, автор поэтического перевода Корана на русский язык. Это запись с его отпевания в 2012 году. Сюжет снимала одна небольшая телекомпания, но в эфир он так и не пошел.

Волин взглянул на экран внимательнее. Камера брала то общий план храма, то сосредоточивалась на отдельных людях, присутствовавших на отпевании.

– Шумо́вский – чрезвычайно любопытная фигура, – продолжал генерал. – Не будучи мусульманином, он был очарован поэзией Корана, его религиозным и философским содержанием. Откровение, данное Мухаммеду, он почитал подлинно боговдохновенной книгой, видел в нем воплощенную надежду для людей, возможность обрести более высокие идеалы. Он был уверен, что переводить Коран нужно именно стихами – в противном случае от читателя ускользает слишком много важных вещей. И Шумовский-таки взял на себя нелегкий труд сделать поэтический перевод Корана. – Генерал помолчал немного и добавил. – Кстати, издание этого перевода благословил председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин. Зная, как ревниво мусульмане относятся к таким переводам, остается только догадываться, какая гигантская работа была проделана Теодором Адамовичем.

Он умолк на минуту, задумчиво глядя в телевизор, потом продолжил.

– Мусульмане умеют быть благодарными. Именно петербургская у́мма[1] добилась, чтобы Шумовского похоронили на Волковском кладбище. Перед отпеванием случился удивительный казус. Несколько представителей мусульманско-

---

[1] Умма – мусульманская религиозная община.

го духовенства появились в храме и попросили позволения в знак особенного уважения к усопшему прочитать над его телом суры Корана. Православный батюшка не возражал…

– Стойте! – вдруг сказал Волин. – Остановите воспроизведение!

Генерал нажал на паузу, посмотрел на следователя. Тот впился глазами в лицо человека, стоявшего в некотором отдалении от остальных. Близко посаженные, чуть раскосые бесцветные глаза, куцые бровки, коротенький узкий носик, к низу обретающий очертания небольшой груши, рот лягушачий, безвольный подбородок… Этого человека он видел на записях с камер дома, где был убит предполагаемый похититель.

– Вот с него и начнем, – оживился Воронцов. – Если даже он и не убийца, то наверняка кое-что знает об этом деле.

– А вы с ним знакомы? – спросил Волин.

Старый историк отвечал, что с этим человеком он не знаком, но наверняка его знают питерские мусульмане, которые присутствовали на похоронах Шумовского. Надо отослать им снимок, они быстро определят, кто на видео. Этим займется сам Воронцов. Есть надежда, что через пару часов они уже будут знать, с кем их свела судьба…

Волин от удовольствия даже засмеялся. Дело, которое грозило стать висяком, благодаря многомудрому Сергею Сергеевичу неожиданно обрело перспективу.

Генерал вытащил диск из проигрывателя, сунул его в ком-

пьютер, отсканировал нужный кадр и открыл почту, чтобы написать письмо. Однако тут зазвенел телефон Волина. Следователь поднял трубку, нетерпеливо сказал «слушаю!»

– Здравствуйте, Орест Витальевич, – голос в трубке был незнакомый, мягкий, с еле заметным акцентом. – Меня зовут Искандар Каримов, я представляю Академию наук Узбекистана. Могу я встретиться с вами для важного разговора?

– Простите, а что за разговор? – осторожно осведомился старший следователь (он уже включил громкую связь, и Воронцов слушал Каримова не менее внимательно, чем сам Волин).

– Разговор касается Корана Усмана, – отвечал собеседник.

– Да, конечно, – чуть помедлив, – сказал Волин, а сам глядел на Воронцова, который знаками показывал ему: сюда, сюда его тащи! – Вам удобно было бы подъехать на Поварскую?

Собеседник не возражал – он как раз находится неподалеку. Волин продиктовал ему адрес и повесил трубку. Воронцов глядел на него задумчиво.

– Интересный звонок, – сказал он. – И в такой важный момент. Совпадение или что-то более серьезное?

Волин не сразу понял, о чем говорит генерал.

– Ты телефон свой проверяешь? – спросил тот без обиняков. – Не висит ли там подслушивающая программа, передающая все твои разговоры каким-нибудь любопытным ха-

керам?

Волин отвечал, что это паранойя – кому нужны его разговоры? Найдутся люди, загадочно отвечал генерал. Потом строго посмотрел на Волина и заметил, что настоящий телефон должен быть кнопочным, а лучше – дисковым. Штуковина, которая передает на сторону все твои данные, это не телефон, а электронный шпион, который гораздо страшнее шпиона обычного.

В дверь позвонили. Воронцов глянул на часы.

– Пятнадцать минут, – сказал. – Быстро они, быстро…

– Мне открыть? – спросил Волин.

Генерал подумал пару секунд и махнул рукой: сиди, я сам. И мелким пенсионерским шагом двинул к двери. Волин заметил, что боковой карман пиджака у него топырится. Там лежало что-то весомое, что-то, очень похожее на пистолет. Старший следователь подивился – когда только генерал успел вооружиться? Не сидит же он весь день с оружием у себя дома! Хотя, с другой стороны, почему бы и нет? Времена пошли суровые, почти как в лихие девяностые, а что дальше будет, вообще непонятно.

Спустя минуту в комнату вошел человек. И не просто человек, а тот самый неизвестный с видеозаписи – с куцыми бровками, бесцветными глазками и лягушачьим ртом. Генерал, который шел за ним следом, незаметно скорчил рожу, которая, видимо, должна была обозначать что-то вроде «на ловца и зверь бежит». Но Волину было не до чужих рож, у

него от неожиданности самого сделалась такая физиономия, что незнакомец улыбнулся. Улыбнулся, надо сказать, хорошо, обаятельно, сразу как бы осветившись внутренним светом.

– Вижу, – сказал он, – что записи камер наблюдения вы уже посмотрели. И наверняка видели там вашего покорного слугу. Вероятно, даже, решили, что я и есть убийца?

– Прошу прощения, – деловито перебил генерал, – нельзя ли документики ваши посмотреть?

– Документы, граждане, в порядке, – и незнакомец полез во внутренний карман пиджака. Перед глазами Волина явственно возникла картина из фильма «Место встречи изменить нельзя», где актер Белявский под видом рецидивиста Фокса положил милицейскую засаду в Марьиной роще. С необыкновенной отчетливостью старший следователь понял, что сейчас их расстреляют как куропаток, однако гость преспокойно вынул из кармана удостоверение и продемонстрировал его генералу, которого с первого взгляда признал за старшего.

– Все в порядке, Искандар Юнусович, – сказал Воронцов, на несколько секунд уперев взгляд в удостоверение. – Чайку не желаете ли?

– Если не затруднит, – с легким поклоном отвечал неизвестный, который, очевидно, и был тем самым Искандаром Каримовым, который звонил Волину по телефону.

– У нас тут хоть и не Узбекистан, но законы гостеприим-

ства знаем, – отвечал Сергей Сергеевич и двинул на кухню.

Каримов проводил его взглядом и сказал, обращаясь к Волину:

– Какой внимательный хозяин! Я сразу почувствовал себя, как дома.

Волин пригласил Каримова садиться. Тот кивнул и с удовольствием уселся в свободное кресло. Волин не спускал с него настороженного взгляда.

– Не волнуйтесь, – проговорил Каримов, – я не вооружен. И вообще, вам не надо бояться, я мирный ученый.

Волин улыбнулся несколько натянуто и спросил, что делал мирный ученый в доме, где произошло убийство.

– Я мог бы сказать, что это совпадение, – отвечал гость, – но, конечно, никакое это не совпадение. Я был в том доме и шел именно в ту квартиру, где находился покойный. Предупреждая ваши вопросы, скажу, что попал я туда уже после того, как этот несчастный был убит.

– А вот и чаек, – с этими словами в комнату вошел Воронцов, держа в руках поднос с чайником и сушеными фруктами.

Гость восхитился: какая роскошь! Прямо как у них в Ташкенте! Генерал заулыбался, похвала была ему явно приятна.

– Об Оресте Витальевиче я наслышан, – сказал тем временем Каримов, глядя на Воронцова, – а как мне к вам обращаться?

– Меня зовут Сергей Сергеевич Воронцов, можно просто

товарищ генерал, – отвечал Воронцов, ослепительно улыбаясь.

– Каких же войск вы генерал? – не моргнув глазом, вежливо осведомился Каримов.

Сергей Сергеевич отвечал, что он – генерал самых главных войск, а именно – Первого управления[2] КГБ СССР. Искандар Юнусович заявил, что с детства мечтал познакомиться с генералом, в особенности же – генералом КГБ. И вот наконец мечта его сбылась и, можно сказать, жизнь прошла не зря.

Оба вежливо посмеялись. Потом Воронцов сделался серьезным и сказал:

– Ну, хорошо. Я вижу, люди тут все бывалые, так что не стоит тянуть кота за хвост. Надеюсь, разговор у нас будет максимально откровенный.

Гость сказал, что разговор будет самый откровенный, который только можно себе представить.

– Так что все-таки произошло с вашим Кораном? – спросил генерал, усаживаясь в кресло напротив гостя.

Каримов стушевался: было видно, что тема эта дается ему нелегко. Тем не менее он преодолел себя и начал рассказывать. Они – то есть Академия наук Узбекистана – узнали, что некий преступный международный синдикат планирует похищение драгоценного фолианта. Поскольку на родине он

---

[2] Первым управлением КГБ СССР при советской власти называлась внешняя разведка.

охраняется достаточно хорошо, похищение было запланировано на выезде, во время Конгресса, где обеспечить такую же надежную охрану довольно сложно. Что было делать? Отказаться от участия в конгрессе? Но это – международный скандал и непонимание российских коллег, а Россия и в политическом, и в научном смысле для Узбекистана чрезвычайно важна. К тому же появлялась возможность взять преступников с поличным, что называется, на живца. И они решили все-таки рискнуть и отправить Коран в Петербург. Их служба безопасности…

– Пардон, у Академии наук есть служба безопасности? – перебил Каримова генерал.

Разумеется, есть, какая же это академия без службы безопасности, отвечал Искандар Юнусович, после чего продолжил свой рассказ. Так вот, их служба безопасности разработала план на случай, если все-таки святыню попробуют украсть. В Петербург на конгресс повезли не только оригинальный свод, но и его копию. Для того, чтобы сделать копию неотличимой от оригинала, на нее нанесли краску, похожую на кровь – и именно в тех местах, где были пятна крови на Коране Усмана.

– Ах, вот оно что, – сказал Волин, – а мы думали, что краску нанес похититель.

Искандар Юнусович покачал головой – это не так просто. К тому же нужна была особая краска, которую после операции легко было бы стереть, не испортив ценную копию. Итак,

они нанесли краску, после чего оставалось лишь подменить оригинал копией и дать возможность похитителю ее украсть. Так, в конце концов, и случилось. Они рассчитывали, что вор, встретившись с заказчиком, выведет их на весь синдикат. Однако заказчик сразу понял, что экземпляр ему предлагают поддельный и, вероятно, в приступе гнева убил похитителя. Конечно, свою ценность имеет и копия, но заказчик похищения не стал ее брать и правильно сделал – в ней находился микроскопический радиомаяк, и было бы очень легко проследить ее дальнейший путь.

– Таким образом, операция наша удалась только наполовину, – заключил Каримов. – Коран мы спасли, но взять живьем исполнителя и накрыть с поличным заказчиков нам все же не удалось.

На минуту воцарилось молчание.

– Скажите, а почему вы не забрали назад копию? – спросил Волин.

Каримов невесело улыбнулся.

– Потому что после убийства похитителя это было бы противоправное действие. И у вас были бы все основания меня задержать. Нет, конечно, в конце концов, все бы разъяснилось, но зачем лишний раз рисковать? А копию мы, само собой, заберем, собственно, для этого я к вам и пришел.

Волин покачал головой: не так все просто. Все-таки это вещественное доказательство. Он сам, единолично, этот вопрос решить не может. Узбекскому посольству придется со-

ставить официальное требование в Следственный комитет…

– Составим, – ослепительно улыбнулся Искандар Юнусович, – обязательно составим.

– А убийца вам известен? – спросил генерал.

– С высокой степенью вероятности, – чуть помедлив, отвечал Каримов.

– И кто же он? – Волин сделал стойку. Копии и оригиналы – это все хорошо, конечно, но его первейшая задача – убийцу найти. И если только Каримов его знает…

Узбекский гость вытащил из кармана блокнот, ручку, написал что-то в блокноте, вырвал листок и помахал им в воздухе. Волин протянул к листку руку, но Искандар Юнусович неожиданно убрал его в карман.

– Отдам, – сказал, – после того, как вы вернете копию.

– Но это будет не раньше завтрашнего дня, – занервничал Волин.

– Вот завтра и отдам.

Волин нахмурился. Почтенный господин Каримов, видимо, не понимает специфики их работы. До завтрашнего дня преступник может просто улететь за границу, и они его упустят.

– Не волнуйтесь, не улетит, – загадочно улыбнулся Каримов, вставая с кресла. – Итак, Орест Витальевич, увидимся завтра, а засим позвольте откланяться.

Он повернулся к Воронцову и поклонился ему, сказав, что знакомство с настоящим генералом не обмануло его ожида-

ний.

– Бросьте, – весело отвечал Сергей Сергеевич, – думаю, вы у себя на работе таких генералов каждый день встречаете… В службе вашей академической безопасности.

Каримов засмеялся и вышел из комнаты вон. Воронцов пошел за ним следом, запер дверь, вернулся, сел в кресло и посмотрел на Волина: ты ему веришь? Тот пожал плечами: а черт его знает.

– В целом картину он нарисовал правдоподобную, – проговорил генерал. – Другое дело, что не все детали он уточнил, а дьявол, как известно, в деталях.

– По-моему, он просто сволочь, – в сердцах сказал Волин. – Если знаешь убийцу, почему не сказать, зачем этот торг?

Генерал только ухмыльнулся. Вообще-то следователь – фигура процессуально самостоятельная, и полномочия у него самые широкие. В частности, он может оценивать доказательства, исходя из своего внутреннего убеждения. И он же решает, что приобщать к делу, а что нет. То есть Волин все-таки сам, лично может решать судьбу вещественных доказательств, в частности, копии Корана. Как он полагает, их сегодняшний гость осведомлен о реальных полномочиях Волина?

Волин подумал и сказал, что, наверное, осведомлен.

– Ну вот, а ты ему горбатого лепишь: я сам не решаю, официальное требование… Вот он тебе и платит той же монетой.

Ты ему – книгу, он тебе – фамилию убийцы. И все довольны, – генерал хитро прищурил глаза.

– Эх, Сергей Сергеевич, – вздохнул Волин, – вашими бы устами да деньги раздавать.

– Ладно, – махнул рукой Воронцов, – расслабься. Все равно до завтра ничего не прояснится. Ты вот лучше глянь, что я нарасшифровывал.

И он положил перед Волиным новую порцию дневников Загорского.

– Ага, – сказал Волин, бросив взгляд на первую страницу, – предисловия опять нет?

– Предисловия нет, зато есть послесловие, – отвечал Воронцов.

– Ну что же, и то хлеб, – заметил Волин, углубляясь в чтение…

Глава первая. Наследие великого князя

«Дружище Нестор!

Положение мое хуже губернаторского – так, во всяком случае, говорят здешние парацéльсы. Хотя докторишкам я и на грош не верю, но на всякий случай решил привести в порядок свои дела – человеческие и финансовые. По денежной части диспозиция моя известна: вошь в кармане да мышь на аркане, которая от голода пребольно кусается к тому же. Учитывая, что наследников у меня нет, а нажитое с собой на тот свет не возьмешь, это не должно бы меня тревожить. Однако ж, представь себе, тревожит и тревожит сильно. Нажи́тое должно быть величаво, говорил Пушкин, а уж он в этом толк знал, мне можешь поверить. Я же пошел против русской классики: кутил, воевал и начисто не желал приумножать то немногое, что имел. И вот тебе результат – вокруг нас царит благословенная советская власть, а я сижу с голым задом посреди Туркестана, и обуревают меня многообразные болезни, из которых по меньшей мере половина – смертельные. Будь я человеком менее упрямым, я бы уже раза три благополучно дал дуба. Но, однако ж, упрямства моего осталось с гулькин нос, так что, боюсь, вскорости придется мне собирать бренные пожитки.

Довольно ли я тебя разжалобил, друг мой Нестор? Надеюсь, что да, потому что страшно мне хочется, чтобы ты явился предо мной, как лист перед травой или, выражаясь партикулярно, приехал ко мне в варварский и жаркий, но очень уютный город Ташкент, где я теперь обретаюсь в силу неких обстоятельств, которые почитаю за лучшее держать в секрете.

Дело же у меня вот какое. Известное тебе лицо, несколько лет назад скончавшееся от воспаления хитрости у себя на даче под Ташкентом, оставило после себя огромные залежи культурного – слышишь, Нестор, культурного и никакого иного! – наследия. Часть указанного наследия досталась женам, часть детям, часть была разворована богоспасаемым нашим народом, явившим после революции лучшие свои свойства. Так вышло – а как именно, после расскажу, – что в руки мне попал зашифрованный дневник этого лица. Как я ни бился, расшифровать ничего не сумел, однако чувствую, что именно здесь скрываются полные и окончательные сведения о наследии, которое непременно должно быть найдено, чтобы не потерпело наше отечество культурного (ты меня понимаешь, Нестор – исключительно культурного) урона.

Дважды, трижды и более раз подходил я к мемуару с решимостью вырвать у него его тайну, однако все мои потуги были тщетны. Поневоле на ум пришел даже царь Соломон с его мудростью: суета сует и все суета. Или, как говорили по тому же поводу у нас в полку при появлении командира –

помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его… Впрочем, это, кажется, к другому случаю; не силен я в литературной учености из всех поэтов твердо знаю только Пушкина, да и то приблизительно.

Одним словом, так я и не расшифровал дневника известного всем лица и тут вспомнил, что мой лучший друг Нестор Васильевич Загорский есть первая лиса во всех этих тайных и шифрованных предприятиях. И вот, ни секунды не мешкая, сел я писать тебе письмо, чтобы ты успел его получить и приехать сюда до того, как земля поглотит мое бренное тело и пламенное сердце…

Всегда твой Плутарх[3] – бывший штабс-ротмистр, а ныне полковник в отставке Сергей Иванович Беликов».

Дочитав письмо, Загорский аккуратно сложил его и спрятал в лежавший перед ним на столике желтоватый конверт. Ганцзалин, сидевший напротив хозяина в протертом полосатом кресле, отпил из чашки глоток душистого мóлихуá[4], прищурил на Нестора Васильевича и без того косые глаза свои и негромко спросил:

– Так чего же все-таки он хочет?

Загорский задумчиво вертел на пальце железное кольцо, доставшееся ему от деда-декабриста. Чего все-таки хочет Бе-

---

[3] Нестор – древнерусский летописец, Плутарх – древнегреческий. Эту дружескую игру имен Беликов и Загорский использовали еще со времен первого знакомства.

[4] Молихуа – китайский жасминовый чай.

ликов? Ну, это как раз понятно: его верный Плутарх хочет, чтобы явился Нестор и расшифровал этот самый дневник, о котором идет речь в письме.

– Дневник с культурными ценностями? – уточнил помощник.

Нестор Васильевич отвечал, что ценности, вероятно, самые обычные – деньги, золото, драгоценные камни, а культурными штабс-ротмистр их называет на тот случай, если бы письмо вскрыли на почте для перлюстрации.

– Известное лицо, умершее якобы от воспаления хитрости, это не кто иной, как великий князь Николай Константинович, действительно почивший в бозе на своей даче под Ташкентом в 1918 году, – пояснил Загорский.

– И от чего он умер? – полюбопытствовал Ганцзалин.

– Темная история, – нехотя отвечал Нестор Васильевич, – считается, что от воспаления легких. Впрочем, не исключена и большевистская пуля. Времена были суровые, на дворе бушевала гражданская война. Правда, февральский переворот великий князь принял с восторгом, даже написал поздравление Керенскому, с которым когда-то был хорошо знаком.

Такой поворот сюжета показался егоринскому помощнику удивительным. Что это за великий князь такой, который приветствует падение монархии?

Он и в самом деле был большой оригинал, согласился Нестор Васильевич, а еще более оригинальной оказалась его история. Весной тысяча восемьсот семьдесят четвертого го-

да молодого князя Николая Константиновича заподозрили в краже бриллиантов с оклада иконы. Икона была семейной реликвией, ею император Николай Первый благословил брак матери великого князя. У Николая же Константиновича в семьдесят четвертом завелась любовница – франко-американская танцовщица Фанни Лир.

– Завелась? – переспросил Ганцзалин. – Примерно, как блохи заводятся?

– Примерно так, – не моргнув глазом, отвечал Загорский и как ни в чем не бывало вернулся к рассказу.

Молодой шалопай якобы отправил украденные бриллианты в заклад, а на вырученные деньги покупал подарки для своей иностранной зазнобы. В деле оказался замешан также адъютант князя Варнахóвский, который и отнес бриллианты в ломбард. При допросе он указал, что камни дал ему не кто иной, как великий князь Николай Константинович.

Нестор Васильевич на миг поморщился, словно вспомнив что-то неприятное, затем продолжил.

– Дело вел лично шеф жандармов граф Шувалов. Несмотря на это, добиться признания от князя так и не удалось. Его уламывали всей царственной семьей, но он стоял на своем – невиновен. Позже князь сказал отцу, что бриллианты, разумеется, украл Варнаховский, но если семье так проще, пусть считают похитителем его, великого князя. Он якобы готов пострадать за други своя. В конце концов, князя просто выслали из Петербурга – с глаз долой, из сердца вон.

Вся эта история, по мнению Нестора Васильевича, выглядела весьма странно. С какой стати великому князю, у которого денег куры не клюют, глумиться над семейной святыней? Даже если делать скидку на буйный нрав Николая Константиновича, все равно предприятие это иначе как безумным не назовешь. Когда дело вскрылось, на семейном совете предлагалось даже сослать князя в каторгу или забрить в солдаты. Но позже во избежание публичного позора остановились на том, чтобы объявить князя душевнобольным и удалить из Петербурга.

– Что, между нами говоря, тоже далеко не сахар, – заметил Загорский. – Ведь что такое признание душевнобольным? Это значит поражение в правах. А Николай Константинович полагал, что его незаконным образом обошли в наследовании и недовольства своего этим фактом не скрывал. Признание его душевнобольным и высылка окончательно лишали его каких бы то ни было перспектив на воцарение и были выгодны правящему государю Александру Второму и его наследникам.

Помотавшись лет десять по России, князь осел в Ташкенте, где развил необыкновенно бурную научную, коммерческую и благоустроительную деятельность – фальшивое его помешательство совершенно этому не препятствовало. Самым знаменитым и впечатляющим стал проект Николая Константиновича по прокладке оросительных каналов в Голодной степи.

– Между прочим, князь взял себе вторую фамилию – Искандéр. Так на востоке зовут Александра Македонского, – продолжал Нестор Васильевич. – Даже его жена, урожденная Дрáйер, с тысяча восемьсот девяносто девятого года стала носить фамилию Искандер. Но, однако, все это лирика. В сухом остатке мы имеем вот что. Великий князь был человек чрезвычайно оборотистый, и сумел сколотить приличное состояние – не говоря уже о том, что двор ежегодно выплачивал ему по двести тысяч рублей на содержание. Доходы князя существенно превосходили расходы, в результате чего у него скопились изрядные средства, которые наш друг штабс-ротмистр стыдливо именует культурным наследием. Не сомневаюсь, что где-то оказались припрятаны и драгоценности на круглую сумму. Как мы знаем, драгоценности были его отдельной любовью, за которую он пострадал еще в юности.

Тут Ганцзалин не выдержал и скрипучим голосом поинтересовался, какое все это имеет отношение к ним.

– Никакого, – улыбнулся Загорский, – если не считать того, что старый мой друг, очевидно, сошел с ума и намерен прикарманить чужое имущество. Впрочем, судя по всему, оно ему нужнее, чем княжеским отпрыскам. Штабс-ротмистр пишет, что тяжело болен, и это на самом деле так. Я вижу это по почерку. Если судить по нему, наш дорогой полковник просто рассыпается на глазах.

И что же вы собираетесь делать? – спросил Ганцзалин, строго глядя на хозяина. С возрастом он стал несколько тя-

жел на подъем, во всяком случае, невзлюбил далекие путешествия. А тут именно что пахло далеким путешествием без определенных перспектив. – Что делать будете, Нестор Васильевич?

– Придется ехать в Ташкент, – беспечно отвечал Загорский. – Не за сокровищем великого князя, конечно. Хочу увидеть штабс-ротмистра. Как бы любезный наш Плутарх не натворил на старости лет непростительных глупостей.

* * *

Изнывая от жары, поезд Оренбург – Ташкент медленно подкатил к невысокому перрону Северного вокзала. Все было очень по-домашнему, неофициально, трудяга-паровоз не дал даже обязательного в таком случае длинного свистка.

Из второго вагона выскочил Ганцзалин с чемоданом в руке и с любопытством уставился на белые купола православной церкви, выглядывавшие из-за высоких зеленых тополей. Следом за помощником из поезда вышел Нестор Васильевич, одетый в светлые хлопчатобумажные брюки и такую же рубашку. На голове его лихо сидела легкомысленная фуражка с белым верхом, которую при некотором усилии воображения можно было даже счесть милицейской.

– На Востоке редко соблюдают закон, зато очень уважают его блюстителей, – объяснил Загорский, когда примеривал эту фуражку еще в Москве. – Мы не имеем права носить

милицейскую форму, но быть похожими на туркестанскую милицию никто нам не запретит.

Однако Ганцзалин не пожелал быть похожим ни на какую милицию, пусть даже и туркестанскую. Китаец был одет с некоторым, почти вызывающим шиком: темно-зеленые шелковые брюки, такой же пиджак, светлая сорочка, серые ботинки и даже галстук-бабочка.

– Я цивилизованный человек и не желаю ударить лицом в грязь перед дикими, – заявил он Нестору Васильевичу.

Загорский попенял ему, заметив, что здешние племена нельзя звать дикими хотя бы потому, что почти все они являются малочисленными народами Китая. Многие туркестанские поселения – оазисы цивилизации, у них древняя и чрезвычайно интересная история. Ташкенту, например, уже больше тысячи лет. А Самарканд и вовсе основан в восьмом веке до нашей эры и является одним из древнейших городов на земле.

– Тем более, – заметил Ганцзалин, – я человек культурный и не хочу выглядеть дикарем перед местными жителями. А галстук, если что, всегда можно снять.

Они вышли из вокзала, и перед их взором раскинулась во всю ширь чрезвычайно неровная, с многочисленными рытвинами и выбоинами привокзальная площадь. По площади этой, залитой ослепительным туркестанским солнцем, лениво бродили торговцы разной местной снедью. Зеваки в полосатых халатах и разноцветных тюбетейках, присев на корточ-

ки, курили чили́м[5]. Вдали виднелась одинокая фигурка милиционера в светлой форме, от вокзала вели в пустоту тонкие нити трамвайных рельсов. Весь пейзаж, казалось, плавился от жары и вот-вот готов был растаять в воздухе, как мираж в пустыне.

– Насколько я знаю, до революции здесь ходил моторный трамвай, – сказал Загорский. – Ходит ли он сейчас и как далеко – неизвестно. Нам нужен Сухаревский тупик, именно там живет наш дорогой полковник. Я думаю, проще всего будет нанять пролетку, чтобы нас доставили прямо до места.

Сторговавшись с извозчиком, они выехали в город по шоссированной и сравнительно ровной Госпитальной улице. Однако ближе к центру дорога сделалась неровной, и трястись на булыжниках показалось Загорскому чистым самоистязанием.

– Чувствую себя мешком с костями, – заявил он помощнику, – пойдем-ка лучше пешком. Тем более, тут осталось совсем немного.

Отпустив лихача, они с чемоданами в руках двинулись мимо одно- и двухэтажных беленых домов. Большинство было слеплено из сырцового кирпича, парадные у домов сильно углублялись в фасад, а толстые стены надежно предохраняли жителей от летнего зноя. Вдоль улиц тянулись арыки, высаженные тут же груши, яблони и тополя создавали спасительную тень. Впрочем, от жары деревья не защищали, просто

---

[5] Чилим – разновидность кальяна в Средней Азии.

жара под ними была не сухая и жесткая, а вязкая, душная, томительная.

Главный городской проспект заинтриговал Ганцзалина. Точнее, не сам даже проспект, а его название.

– Рома́новская улица? – спросил он. – В честь кого из царской фамилии, интересно? Может быть, как раз нашего великого князя, который здесь жил?

Нестор Васильевич, однако, вынужден был его разочаровать – династия Романовых не имела к улице никакого отношения. Проспект назывался так по имени поручика Романо́вского, убитого при входе русских войск в Ташкент в 1868 году.

Мостовая была вымощена булыжником, тротуары покрыты кирпичом. Между кирпичными тротуарами и булыжными мостовыми проглядывал лёссовый грунт. Озорные дети пробегали по нему, шаркая ногами, и дорога начинала дымиться от восставшей пыли.

Время от времени навстречу им попадались местные жители: деловитые служащие в сандалиях на босу ногу и легкой светлой одежде из так называемой м**а**татк**а́**ни, шумливые дети, женщины, одетые по большей части в короткие платья и шаровары. Некоторые женщины носили чадру, другие шли простоволосые – антирелигиозная пропаганда делала свое дело.

Пожелтевшее объявление на телеграфном столбе заинтересовало Загорского. Он подошел поближе, разгладил

неровные скорчившиеся обрывки.

«15 марта по адресу… (на месте адреса была дырка) состоится митинг воров города Ташкента», – горделиво гласило объявление.

– Замечательный город, – засмеялся Нестор Васильевич, – поистине революционный, даже воры здесь митингуют…

Ганцзалин отвечал, что объявление старое и воров этих наверняка уже шлепнула советская власть. Нестор Васильевич не согласился с ним. Воры, заметил он, люди для советской власти вовсе не чужие и, во всяком случае, менее для нее опасные, чем какие-нибудь контрреволюционеры и басмачи.

На Обуховской улице мимо них прошла колонна разнокалиберных детей. Тут были и смуглые, восточного типа ребята, и совсем светлые, русопятые, но все они находились в приступе общего энтузиазма и дружно скандировали в жаркие синие небеса: «Долой, долой монахов, раввинов и попов! Мы на небо залезем, разгоним всех богов!»

– Что это? – изумленно спросил Ганцзалин. – Кто эти малолетние хулиганы?

– Ты, друг мой, совершенно отстал от жизни, – упрекнул его Нестор Васильевич. – Эти, как ты их называешь, малолетние хулиганы – наше светлое будущее. Они – члены детской коммунистической организации имени Спартака. Или, проще говоря, юные пионеры.

– Знаю я этих пионеров, – пробурчал китаец. И неожидан-

но громко продекламировал: – Пионеры юные, головы чугунные, сами оловянные, черти окаянные!

Самая маленькая девочка в тюбетейке, шедшая позади всех, услышав такое, испугалась, шарахнулась прочь и выбилась из колонны. Она пятилась назад, с испугом глядя на Ганцзалина и, в конце концов, едва не свалилась в арык. Но Загорский вовремя ухватил ее за маленькую горячую лапку и улыбнулся, глядя прямо в черно-синие, как спелые сливы, глазенки.

– Не бойся, – сказал он. – Дядя хороший, он просто пошутил. Догоняй скорее своих друзей!

Девочка припустила следом за колонной, один только раз оглянувшись на странных аксакалов. Пионеры уже выкрикивали новые антирелигиозные лозунги, звучавшие, надо сказать, довольно загадочно.

– «Сергей поп, Сергей поп, Сергей дьякон и дьячок; пономарь Сергеевич и звонарь Сергеевич!»

С этими словами светлое будущее страны Советов благополучно скрылось за поворотом.

– Мне кажется, это должна быть песня, – заметил Нестор Васильевич, задумчиво глядя вслед детям.

Загорский с Ганцзалином прошли мимо частной продуктовой лавочки, в дверях ее стоял хозяин, толстый, с апоплексическим красным лицом человек. Он глядел на них угодливо и заискивающе, а когда стало совершенно ясно, что клиенты идут мимо, воскликнул с отчаянием в голосе:

– Чего желаете-с?

Ганцзалин, не любивший торговцев, нахмурился было, но Нестор Васильевич опередил его, благожелательно спросив:

– А что у вас есть, любезный?

– Для вас – все, – отвечал лавочник, – все, что душа пожелает. Прошу зайти и убедиться самолично.

Загорский кивнул и зашел в лавку. Ганцзалин плелся следом и бубнил, что не затем они проехали несколько тысяч верст, чтобы по магазинам шастать.

В лавочке действительно было все, чего душа пожелает, и даже более того: ветчина, колбасы, сосиски, красная и черная икра, разнообразные вина, конфеты, шоколад…

– Да, – сказал Нестор Васильевич, озирая представившееся их глазам великолепие, – все-таки великое дело – новая экономическая политика. Купить можно все, были бы деньги.

– Очень это вы верно заметили, – подхватил торговец. – мы не какие-нибудь государственные, у нас все для чистой публики. Вот-с, осмелюсь предложить, наш фирменный товар – итальянское мороженое. Вкус просто божественный!

Загорский заколебался.

– Берите, не сомневайтесь, – шепнул хозяин. – А слухам не верьте!

– Каким еще слухам? – недружелюбно спросил Ганцзалин.

– Распускают тут некоторые, – сердито отвечал торго-

вец. – Что будто бы в Италии им ослов кормят. Подумайте, какое невежество! Мороженым – ослов!

Нестор Васильевич засмеялся: да нет, он конкуренции с ослами не боится. Просто по такой жаре – и мороженое. Не испортилось ли? Лавочник сделал обиженное лицо: не извольте беспокоиться, у нас все на леднике. И он с гордостью подвел Загорского к большому шкафу, изнутри обитому цинком – между стенками был уложен лед, а сам ледник источал благодетельную прохладу.

Загорский кивнул и взял сразу две порции – себе и Ганцзалину. Они попрощались с торговцем и двинулись по Обуховской дальше, откусывая небольшие кусочки фруктового льда.

Очень скоро они добрались до Обуховского сквера, откуда брал начало нужный им Сухаревский тупик. Здесь дорогу им неуклюже перебежал невысокого роста блаженный с плоским монгольским лицом и заведенными вверх глазами. Блаженный бормотал что-то быстро и неразборчиво, Ганцзалин разобрал только слово: «убили!». Он подумал, что явление безумца – дурная примета, но хозяину ничего не сказал, чтобы не огорчать без нужды.

Чем ближе они подходили к дому старинного егоринского приятеля, тем сосредоточеннее становился Нестор Васильевич.

– Волнуетесь? – покосился на него помощник.

– Нет, с чего ты взял? – удивился Загорский, а у самого

меж тем легла между бровей напряженная морщина. Подумав, спросил: – Тебе не кажется, что мы как-то ужасно долго добираемся до цели? Как будто кто-то не хочет нас пускать…

Ганцзалин промолчал: он-то сразу знал, что надо было до конца ехать в пролетке, а хозяин зачем-то отпустил извозчика. Тряско, конечно, не без того, но все лучше, чем на своих двоих.

Наконец они добрались до дома, где жил штабс-ротмистр. Двор был совершенно пуст, только стояла неподалеку женщина в парандже, закрывающей лицо. Загорский спросил ее, здесь ли живет Сергей Иванович Беликов, женщина молча кивнула на дом.

Они вошли. Дверь беликовской квартиры оказалась обшарпанной и такого странного цвета, что менее решительный человек вряд ли бы даже осмелился в нее постучать. Однако Загорскому решимости хватало и на куда более рискованные предприятия. Он поставил чемодан на пол и постучал. Внутри все было тихо. Загорский подождал и стукнул сильнее. Неожиданно дверь медленно раскрылась сама собой.

Нестор Васильевич и Ганцзалин обменялись быстрым взглядами. Кивнув помощнику, чтобы оставался пока за порогом, Загорский осторожно вошел в комнату. Спустя пару секунд Ганцзалин услышал сдавленный вскрик.

Ганцзалин ворвался в комнату и окаменел. Под потолком, вывалив посиневший язык, качался на веревке удавлен-

ник...

Глава вторая.
Московские гастролеры

Тело Беликова еще не остыло, но проводить реанимацию было поздно – веревка сломала шейный позвонок. Вытащив покойника из петли, они положили его на узенькую вдовью кровать, стоявшую здесь же, в углу комнаты.

– Как же так, – сказал Ганцзалин растерянно, – почему?

– Что – почему? – рассеянно спросил Нестор Васильевич, оглядывая весьма скромную обстановку комнаты: кровать, сундук, платяной шкаф.

– Почему самоубийство? – повторил Ганцзалин.

Загорский поморщился: наивность помощника превосходила все мыслимые пределы. Если бы это было самоубийство, рядом бы обнаружился стул, на который влезал несчастный штабс-ротмистр, чтобы приладить веревку (Нестор Васильевич по старой привычке звал своего друга штабс-ротмистром, хотя тот уже давно было полковником). Но ни единого стула или хотя бы какого-нибудь ящика поблизости не имелось. Следовательно, штабс-ротмистр был убит и только потом повешен, чтобы скрыть следы убийства. Другой вопрос – почему все-таки Беликова убили? Никаких ценностей у него, очевидно, не было, если не считать за ценность тот самый дневник великого князя, благодаря которо-

му штабс-ротмистр надеялся вылезти из нищеты…

За спиной легко скрипнула дверь. Они быстро обернулись. На пороге стояли два милиционера – один высокий, молодой еще, широкоплечий, с тонкой талией, другой постарше, низенький, плотный, коричнево-розовый, словно сарделька. Из-за спины у высокого выглядывала женщина в парандже, которую они видели десять минут назад во дворе.

– Это они, – сказала женщина, тыча пальцем в Загорского. – Они спрашивали, дома ли.

– Здравия желаю, граждане, – широкоплечий деловито вытащил из кобуры наган и наставил его на Загорского. – Старший оперуполномоченный уголовного розыска Сергей Ескин. Какими судьбами у нас?

Разговор со старшим оперуполномоченным и его напарником Сарделькой, как окрестил того Ганцзалин, не занял много времени. Точнее сказать, вообще никакого времени не занял. Милиционеры изъяли у Ганцзалина и Загорского документы, после чего они все вчетвером отправились в угрозыск, находившийся тут же неподалеку. Женщина в парандже куда-то исчезла, да, видимо, в ней и не было теперь особой необходимости: картина преступления милиционерам и так была ясна. Двое московских гастролеров из шкурных побуждений убили старика, тихо доживавшего свои дни в Сухаревском тупике.

По улице они шли ромбом. Впереди Ескин, за ним Загор-

ский с помощником, замыкал процессию агент Сарделька. Вид у него был грозный, ладонь лежала на кобуре.

Их как особо опасных преступников даже сковали наручниками. Загорский, подставляя руки, невесело усмехнулся – ох уж эти наивные работники угрозыска! Неужели не догадываются, что для опытного бандита избавиться от наручников легче легкого, не говоря уже о них с Ганцзалином? Тем не менее, когда помощник чуть слышно, не разжимая губ, спросил его «уйдем?», Нестор Васильевич отрицательно покачал головой. Уйти было можно, но это сильно затруднило бы их дальнейшую деятельность. Сейчас следовало найти убийц штабс-капитана. Если бы Загорский с помощником сбежали, их самих объявили бы в розыск. А разыскивать убийцу, когда ты сам в розыске, – дело довольно сложное…

– Сложно, конечно, сложно, – глаза начальника уголовного розыска всего Ташкента Михаила Максимовича Зинкина смотрели на Нестора Васильевича испытующе. – Очень сложно вам будет, граждане, доказать свою невиновность.

Нестор Васильевич даже бровью не повел. С процессуальной точки зрения они ничего доказывать не должны. Это сотрудники угрозыска должны доказывать их с Ганцзалином виновность. Не говоря уже о том, что при ближайшем рассмотрении даже и состава преступления не видно. Можно, конечно, инспирировать самоубийство, но вот доказать, что это сделали именно они, будет весьма и весьма непросто.

– Инспирировать самоубийство… – Зинкин укоризненно покачал головой. – Это, знаете ли, фразеология эксплуататоров. Тем более, что никакого самоубийства и не было, а было чистое убийство.

– А вы-то откуда знаете? – спросил Загорский. – Вы даже на месте преступления не были.

Зинкин отвечал в том смысле, что ему и не надо везде бывать. На то есть оперуполномоченные, которым он вполне доверяет. Ескин сказал ему, что при осмотре места преступления они не обнаружили стула, на котором должен был стоять покойник перед тем, как повеситься.

– Хороший у вас уполномоченный, приметливый, – заметил Загорский.

Михаил Максимович согласился – хороший. Вот только от его приметливости прямой будет урон гражданину Загорскому. Или он, может быть, предпочитает обращение «господин»?

– Я предпочитаю по имени-отчеству, – отвечал Загорский. – Зовите меня Нестор Васильевич. А, впрочем, это не важно, зовите хоть горшком, только в кутузку не сажайте. Тем более, что и не за что.

Зинкин хмыкнул, поднялся со стула и зашагал по кабинету. С минуту, наверное, ходил он так туда и сюда в полном молчании. Задержанный наблюдал за ним не без любопытства. Глава угрозыска наконец остановился и, упершись руками в стол, навис над Нестором Васильевичем.

– Слушайте, – сказал он очень серьезно, – у меня большой опыт в этих делах и интуиция тоже работает на ять. Нет у меня чувства, что это вы со своим китайцем убили Беликова…

– Да, потому что это были не мы, – заметил Загорский.

Собеседник поморщился: обождите. Интуиция, в конце концов, никого не касается, ее к делу не пришьешь. Но против Загорского и его помощника есть одна очень серьезная улика.

Тут Зинкин открыл ящик стола и вытащил оттуда желтый конверт. Это было письмо от Беликова, которое нашли у Загорского при обыске.

– Кстати, почему он зовет себя штабс-ротмистром? – поинтересовался Зинкин.

Нестор Васильевич отвечал, что познакомились они почти сорок лет назад в Персии и тогда товарищ его действительно был штабс-ротмистром.

– И тут же пишет, что он полковник, – заметил Зинкин. – Дослужился, выходит?

Может, и дослужился, сложно сказать. Они с Беликовым так давно не виделись, что сведений о его карьере у Загорского почти нет. (Нестор Васильевич, конечно, не стал распространяться о том, что Беликов во время гражданской служил у Колчака, где, видимо, и заработал полковничьи погоны).

– А почему, – прищурился Михаил Максимович, – почему он зовет вас первой лисой во всех тайных и шифрованных

делах?

Загорский улыбнулся – это же так очевидно. Но Зинкину это было вовсе не очевидно, он попросил все-таки объяснить.

– Как вам угодно, – Нестор Васильевич не возражал. – Дело, видите ли, в том, что мы с вами коллеги.

Зинкин изумился: в каком, простите, смысле? Да, в самом прямом, отвечал задержанный, в самом что ни на есть буквальном. Он, Загорский, как и Зинкин, служил сыщиком, или, говоря на иностранный манер, детективом. Понятно, что служил он не в советской милиции и даже не в ВЧК, но в те времена ведь и не было ни ВЧК, ни милиции, так что служить там он не мог при всем желании. Так что он сам – блюститель закона, и было бы странно ему этот закон преступать, да еще и по отношению к другу.

– В конце концов, вы же читали письмо, – сказал Загорский. – Из него явственно следует, что мы с покойным были добрыми приятелями и делить нам было совершенно нечего.

Зинкин на это только поморщился: как знать, как знать. Добрые приятели обычно и оказываются самыми непримиримыми врагами. Вот взять, например, советских пролетариев – уж на что сознательный класс, а как выпьют, готовы друг другу горло перерезать.

– Уверяю вас, в дворянском сословии дела обстоят иначе, – отвечал Загорский. – С тех пор, как запретили дуэли, поножовщина там совершенно не практикуется.

Зинкин насторожился: а гражданин Загорский, значит, дворянин? И Беликов, очевидно, тоже был дворянин? Тогда с какой целью он приехал к Беликову? Не белогвардейское ли подполье организовывать?

Цель, хладнокровно отвечал на это Нестор Васильевич, была у него самая благая – проведать друга. Из письма видно, что тот был тяжело болен, и Загорский, понятное дело, боялся не застать его в живых.

Из письма, однако, также видно, что речь идет о каком-то наследстве, которое оставило некое неизвестное лицо, возразил ему Зинкин. Пусть так, согласился задержанный, но ведь чтобы получить это наследство, ему совершенно не надо было убивать Беликова. Тот сам хотел, чтобы Загорский расшифровал дневник.

– А может быть, – хитро прищурился Михаил Максимович, – может быть такое, что вы решили все наследство забрать себе, а Беликова просто убрать, чтобы не мешался под ногами?

Теоретически может, согласился Загорский. Но в этом случае дневник уже должен был быть у него или в доме Беликова. Но ни у Загорского, ни в доме его нет. Значит, было некое третье лицо (или лица), которое и забрало так интересующие всех записи.

– Да вы просто спрятали их, – не согласился Зинкин. – Полтора часа – время более чем достаточное.

Загорский изумился: они с Ганцзалином были в доме

штабс-ротмистра не более десяти минут. Однако глава угрозыска возразил: свидетельница показала, что они там были полтора часа.

Стали разбираться: откуда взялась свидетельница и что она на самом деле говорила. Выяснилось, что после того как Загорского с Ганцзалином задержали, свидетельница как сквозь землю провалилась. Опрос местных жителей ничего не дал, никто ее раньше не видел, да и как узнать женщину под паранджой? Тем более, что под паранджой вполне мог прятаться и мужчина.

Итак, кто такая эта свидетельница, что она делала во дворе беликовского дома, зачем врет и куда исчезла? – все эти вопросы Загорский, не обинуясь, задал Зинкину.

Тот хмуро отвечал, что как бы там ни было, покуда не доказано обратное, они будут верить показаниям свидетельницы, пусть даже и сбежавшей. А пока суд да дело, придется им посидеть в каталажке. Зинкин уже было хотел вызвать конвой, но Загорский его остановил.

– Постойте, – внезапно сказал он, – подождите. У меня есть другой свидетель. Когда мы входили в дом штабс-ротмистра, мы видели идиота. Похоже, у него монголизм[6]. Есть у вас такой среди местных?

– Да, это Мишенька… – Зинкин испытующе глядел на Загорского. – И при чем здесь он?

– Мне кажется, ваш Мишенька что-то знает о преступ-

---

[6] Монголизмом до середины XX века называли синдром Дауна.

лении. Он был чрезвычайно взволнован и что-то бормотал. Нельзя ли его допросить?

Зинкин поскреб подбородок. Допросить Мишеньку, конечно, можно, вот только толку от этого будет мало. Он ведь недееспособен, в суде его свидетельства не примут. Загорский на это отвечал, что им не для суда все это нужно, а для истины. Вдруг Мишенька видел настоящего убийцу?

Зинкин сидел, хмуро постукивая карандашом по столу. Наконец решился. Ладно, сказал, сейчас посидите в камере со своим китайцем, а мы посмотрим, что да как. Потом он хитро прищурился на Загорского и спросил:

– А что это все-таки за наследство такое, о котором писал покойник?

Загорский секунду спокойно смотрел на Михаила Максимовича, потом медленно выговорил:

– Точно сказать не могу. Но подозреваю, что речь шла о наследстве великого князя Николая Константиновича.

– Романова? – ахнул Зинкин.

Нестор Васильевич кивнул. Почему-то штабс-ротмистр решил, что именно в дневнике князь указал место, где он спрятал драгоценности.

– Да, – покрутил головой глава угрозыска, – если так, то это, конечно, куш. Богатейший был человек, есть ради чего стараться.

– Вот поэтому, – мягко добавил Загорский, – прошу вас как можно скорее отыскать вашего Мишеньку и допросить

его. Если, конечно, он вообще в состоянии сообщить хоть что-то осмысленное.

Ночь в камере прошла неспокойно. Точнее сказать, Ганцзалин по своему обыкновению спал мертвым сном, а Загорский никак не мог успокоиться и все ворочался, пытаясь понять, кому понадобилось убивать штабс-ротмистра Беликова. Если он прав и причиной убийства были княжеские записки, то встает вопрос – кто и как мог узнать об их содержании? Штабс-ротмистр, несмотря на всю свою бесшабашность, умел хранить тайны. Вероятнее всего, кто-то вскрыл письмо, которое тот послал Загорскому и, как и он, догадался, о каком именно наследии идет речь. Вскрыть письмо, потом запечатать его заново и отправить адресату вполне могли на почте. Но в этом случае они не смогли бы заклеить конверт начисто. Значит, конверт был взят другой и надписан кем-то другим. Получив письмо от Беликова, Загорский не обратил внимания на почерк, которым надписали конверт, и не стал его сравнивать с тем, что был в письме. А стоило бы! Ладно, утро вечера мудренее. Завтра надо будет попросить Зинкина позволить ему еще раз взглянуть на конверт. А пока будем спать, утро вчера мудренее.

Приняв такое решение, Загорский почти мгновенно погрузился в сон.

* * *

Разбудили их ни свет ни заря. С шумом открылась дверь камеры, усатый конвойный выкрикнул:

– К товарищу начальнику на допрос, оба!

Нестор Васильевич протянул руки, чтобы на них надели наручники, но конвойный махнул рукой: так идите, ништо.

Пребывающих в некотором недоумении Ганцзалина и Загорского доставили в кабинет Зинкина. Тот выглядел хмурым и заспанным. Кивком указал им садиться.

– Удалось поговорить с Мишенькой? – спросил Загорский.

– Не удалось, – коротко бросил тот. – Сегодня утром Мишеньку нашли убитым.

Секунду Нестор Васильевич молчал. Потом поднял глаза на Зинкина:

– Как его убили?

– По-басмачески, – отвечал Зинкин. – Резанули горло от уха до уха, я их шакалью манеру хорошо знаю.

Загорский удивился. Он полагал, что после гибели Мадами́н-бека в тысяча девятьсот двадцатом году басмачи перестали тревожить Туркестан. Если бы, невесело хмыкнул в ответ Зинкин. Армия басмачей почти сошла на нет, но остались отдельные банды, у каждой свой главарь, их тут зовут курбаши́. В Ферга́нской долине еще сражается Муэтди́н-бек,

кое-кто еще воюет рядом с Самаркандом. Ибрагим-бек бьется с Красной армией в Зеравша́не. В Ала́йской долине есть несколько банд. Но возле Ташкента давно уже все спокойно.

– Значит, не все, – сказал Нестор Васильевич. – Видимо, они просто перешли на нелегальное положение, но никуда не делись.

– Это сколько угодно, – буркнул Зинкин, – лишь бы шашками не махали. А так мы их рано или поздно переловим по одному и перещелкаем, как блох.

Однако светлая эта картина относилась к будущему. Пока же надо было разбираться с конкретной историей, а именно убийством Беликова и блаженного Мишеньки.

– Кстати сказать, вы ведь говорили, что вы сыщик, – проворчал Зинкин. – Сами-то что думаете по поводу всего происходящего?

Нестор Васильевич поколебался немного, потом отвечал:

– Пока ничего конкретного. Фактов слишком мало. Надо браться за расследование, а я в камере сижу.

Тут он вспомнил свои вчерашние соображения и попросил Зинкина показать конверт и письмо, которое написал ему штабс-ротмистр. Тот снова выложил на стол пожелтевший конверт и прямоугольный лист.

– Ага, – сказал Загорский, кинув быстрый взгляд на конверт. – А само письмо писано другой рукой. Что это значит?

Зинкин нахмурился: загадка несложная. Видимо, посторонний человек вскрыл письмо, после чего взял новый кон-

верт и надписал его сам. Проще всего сделать такое работнику почты. Не бог весть какая зацепка, но все-таки что-то.

– Я бы мог этим заняться, – сказал Нестор Васильевич. – Все-таки покойный был моим другом.

Начальник УГРО все еще колебался. Нельзя ему было просто так взять и отпустить подозреваемого. С него же потом голову снимут.

– Не снимут, – отвечал Загорский. – Я в свое время оказал кое-какие услуги советской власти. Попробуйте связаться с Тухачевским, он за меня поручится…

Зинкин все тер небритый подбородок, никак не мог решиться.

– Мы тут и без того в работе тонем, – наконец проговорил он почти жалобно. – Понаехали голодающие из разных районов России, среди них – полно криминального элемента. А тут еще эти убийства.

– Не волнуйтесь. – сказал Загорский. – Я все сделаю, работа мне хорошо знакома. Не первое убийство раскрываю, слава тебе, Господи.

– Да в том-то и дело, что не убийство, – хмуро отвечал Зинкин. – Эксперт осмотрел тело Беликова – все признаки самоубийства. Нет никаких следов насилия. Только след на шее от петли да сломанный позвонок… Похоже, дали мы с вами маху.

Загорский поднял брови – быть того не может! Ошибка исключена? Зинкин отвечал, что совершенно исключена,

медики из университета смотрели, а там такие зубры – не нам чета. С другой стороны, было совершенно ясно, что не с чего штабс-ротмистру кончать жизнь самоубийством. Но тогда как объяснить мертвое его тело, повешенное в петле?

Разумного объяснения не было, и Загорский предложил всем вместе отправиться на осмотр в морг. В прохладных и страшных его просторах маленький тихий прозектор быстро отыскал им окоченевший труп Беликова, выкатил на коляске на всеобщее обозрение. Зинкин хотя и был человек бывалый, все-таки не выдержал: отвернулся и отошел в угол. Загорский же, напротив, деловито взялся осматривать покойника. К своему удивлению, ничего, указывающего на убийство он не обнаружил. Прозектор сказал, что следов яда в теле также не найдено.

– Да, – проговорил Нестор Васильевич озадаченно, – все это крайне странно. Или его сначала убили каким-то экзотическим образом, не оставив следов, или заставили самого влезть в петлю.

Зинкин удивился – как это можно человека заставить лезть в петлю?

– Угрозами, шантажом, да как угодно, – пожал плечами Загорский.

– Гипнозом, – внезапно сказал маленький тихий прозектор и нервно поправил очки на носу.

Начальник УГРО не понял: каким это гипнозом, как? Внушением, объяснил прозектор. Можно показать на живом

примере, если Михаил Максимович не возражает.

Зинкин не возражал.

– Для начала просто делайте все, что я вам говорю, – сказал прозектор. – Видите стол? Подойдите к нему, налейте из графина воды в стакан… Так, хорошо. Теперь выпейте.

Зинкин послушно выпил.

– Отлично, – сказал прозектор. – Теперь обойдите вокруг тела по часовой стрелке два раза. И один раз против часовой. Очень хорошо… А теперь вытащите ваш револьвер.

После едва заметного колебания Зинкин вытащил из кобуры наган.

– Направьте его на товарища Загорского, – велел прозектор.

Ствол нагана уставился в Нестора Васильевича. Ганцзалин напрягся.

– А теперь, – велел прозектор, – стреляйте.

Ганцзалин переменился в лице, Загорский моргнул. На миг воцарилась пугающая пауза. Потом начальник УГРО засмеялся, опустил пистолет и погрозил пальцем прозектору.

– Ишь ты какой, – проговорил он, – стреляйте! С чего это я буду в него стрелять, если его даже народный суд пока не осудил. Нет, не сработал твой гипноз.

Прозектор криво улыбнулся.

– Все верно, – сказал он, – только это не гипноз. Вы просто выполняли мои приказы, пока они не противоречили вашим внутренним запретам. Но как только дело дошло до чего-то

серьезного, вы перестали их выполнять. Чтобы вы делали все, что я скажу, вас нужно ввести в гипнотический транс. А сделать это можно только с вашего согласия. Это значит, перед вами должен стоять человек, которому вы безусловно доверяете.

– Не обязательно, – начал было Ганцзалин, вспомнив Джа-ламу, который когда-то буквально из воздуха «наколдовал» целое войско, но Нестор Васильевич бросил на него предупреждающий взгляд и тот умолк.

Загорский тем временем обратил взгляд на маленького прозектора. Это крайне интересное предположение – насчет гипноза. Значит, он полагает, что убитый и убийца были хорошо знакомы? И более того, убитый доверял убийце до такой степени, что под каким-то предлогом позволил погрузить себя в транс, в котором и покончил жизнь самоубийством?

Прозектор молчал, только круглые очки на маленьком худом лице его странно поблескивали.

– Надо опросить соседей, узнать, с кем Беликов был близок, – решил Зинкин. – Возьметесь за это, Нестор Васильевич?

Загорский чуть заметно улыбнулся, услышав, что глава угрозыска величает его по имени-отчеству, и молча кивнул.

Глава третья. Противник не по зубам

Зинкин вернул Загорскому с Ганцзалином документы и вещи и отпустил с богом. Спросил только, где они будут жить.

– В гостинице, пожалуй, нам будет дороговато, – задумался Нестор Васильевич.

– Могу в общежитие вас вселить, но тогда придется делить комнату еще с двумя товарищами, – извиняющимся тоном предложил начальник уголовки.

Такая идея у Загорского воодушевления не вызвала.

– Знаете что, – сказал он, – а давайте-ка мы поселимся прямо на месте преступления, то есть в доме у штабс-ротмистра. Мы все равно к нему в гости ехали, не думаю, что покойник будет возражать. Да и следствие так вести гораздо удобнее.

Зинкин согласился, сказал, что распорядится милицейские печати с квартиры Беликова снять. Правда, по его словам, на освободившуюся комнату уже претендуют несколько семей из числа приехавших в Ташкент спасаться от голода. Но это ничего, от них он как-нибудь отобьется.

– Ага, – вдруг сказал Ганцзалин, – у нас в Москве квартирный вопрос тоже стоит остро…

– Вот-вот, – согласился Зинкин, – прямо с ножом к горлу этот вопрос. Но вы ничего не бойтесь, если кто будет рваться, посылайте прямо ко мне.

На том и порешили, после чего Ганцзалин с Загорским бодрым шагом двинулись к Сухаревскому тупику. По дороге забежали в чайхану – со вчерашнего полдня кроме тюремной баланды в животах у них ничего не было.

– Прозектор прав, – говорил Нестор Васильевич, попивая душистый кофе, – особенно если допустить его версию о гипнозе. А допустить приходится, потому что никакого разумного объяснения смерти нашего несчастного Плутарха не видно. Возможно, за него взялся человек, обладающий навыками гипнотизера и одновременно достаточно ему знакомый. Кому мог довериться штабс-ротмистр?

– Кому угодно, – отвечал помощник.

Но Загорский так не считал. Несмотря на весь свой разудалый нрав, Беликов был человеком достаточно осмотрительным. Нестор Васильевич полагал, что искать следовало либо офицера, бывшего сослуживца Беликова, либо женщину. Вояка-гипнотизер – это было, пожалуй, чересчур. Гораздо более вероятной казалась версия с женщиной. Она выглядела тем более правдоподобной, что какая-то дама уже фигурировала в деле. К сожалению, из-за паранджи установить ее личность было невозможно.

– Давай рассуждать логически, – сказал Загорский, задумчиво глядя в кружку. – Антирелигиозная пропаганда достиг-

ла тут больших успехов, но через вековые традиции переступить нелегко. Это значит, что мусульманка вряд ли могла просто так ходить к постороннему мужчине. Следовательно, искать следует европеянку, или, проще говоря, русскую. Тут у нас есть еще одна зацепка. Я не смог изучить конверт как следует, но даже при поверхностном осмотре кое-что заметил.

– Что именно? – посмотрел на него Ганцзалин.

– Мне показалось, что конверт был надписан женской рукой.

Ганцзалин удивился – как это можно определить? Загорский отвечал, что лет тридцать назад французский психолог Бинé провел сравнительное исследование почерков женщин и мужчин. Примерно в семидесяти процентах случаев графологу Крепьé-Жамéну, который сотрудничал с Бине, удалось точно определить пол писавшего. Почерк мужчин обычно более мелкий, угловатый, чуть более упрощенный, кроме того, мужчины пишут прямо или слегка наклоняют буквы вправо. Буквы, которые пишет мужчина, могут сильно отличаться по высоте. При этом отдельные линии и литеры целиком как бы стремятся вперед.

Женщины же пишут более мягко, буквы у них похожи на открытые сверху чаши или гирлянды. Кроме того, почерк у них крупнее, чем у мужчин, и обычно имеет явный наклон вправо. Кажется, что буквы у них как бы льются, они округлые и мягкие, в них нет той угловатости и жесткости, кото-

рая есть в мужском почерке.

– Впрочем, это не абсолютные обобщения, а лишь тенденции, – оговорился Загорский. – И, однако, можно с некоторой степенью вероятности отличить женский почерк от мужского. Так вот, мне кажется, что конверт надписывала женщина, что подтверждает нашу теорию. И еще одна важная деталь – женщина эта должна иметь навыки гипноза, то есть быть либо врачом, либо психиатром, либо ассистенткой циркового фокусника.

– Значит, будем искать женщину, – кивнул Ганцзалин, и они покинули чайхану.

Однако первым на их горизонте все-таки появился мужчина. Когда они добрались до квартиры штабс-ротмистра, то увидели, что в нее осторожно заглядывает из коридора весьма колоритный персонаж. Лица его не было видно, только одежда: черный берет, черный плащ, короткие штанишки, длинные чулки-трико телесного цвета.

– Готов поклясться, что это Мефистофель собственной персоной, – шепнул помощнику Загорский. – Не понимаю только, куда он девал свою шпагу. В Ташкенте буйствует антирелигиозная пропаганда, вероятно, дела отца лжи здесь не слишком хороши. Может быть, он сдал оружие в ломбард?

– Сейчас я его поймаю, – пообещал Ганцзалин.

Но Загорский остановил помощника. Неужели он в гордыне своей собирается в одиночку бороться с воплощением вселенского зла? Кто дал ему такие полномочия, ведь он да-

же не архангел. Нет-нет, надо быть вежливым, иначе того и гляди окажешься в одном из адских кругов прямо на жаркой шипящей сковороде.

– Друг мой, – сказал Нестор Васильевич почти нежно, – что это вы там высматриваете?

Мефистофель немедленно обернулся. Можно было бы ожидать красного, обожженного адским огнем лица, дерзкого крючковатого носа, вычурных ушей, эспаньолки на подбородке, презрительного взгляда. Но нет, ничего подобного! Лицо у князя тьмы оказалось круглым, нос был тонкий, но с широкими ноздрями. Узкие губы, темно-карие глаза, тонкие, словно выщипанные в нитку, брови дугой. Цвет лица зеленоватый. Грудь широкая, руки мощные, ноги крепкие, чуть кривоватые.

– Приветствую вас, о пришельцы, в нашей обители радости и отдохновения, – сатана снял берет и поклонился им глубоким средневековым поклоном. – Всякий достойный человек найдет здесь кров и пиалушку плова.

– Всякий, кто останется в живых, – пробурчал Ганцзалин.

– Простите? – на лице духа тьмы появилось тревожное выражение. – О чем вы говорите, не понимаю?

Нестор Васильевич представился и представил Ганцзалина. Человек в берете назвался местным художником Волковым, «для друзей – просто Александр Николаевич». Загорский в двух словах рассказал ему, какая трагедия развернулась тут вчера. Оливковая кожа художника побелела.

– Господи, – пробормотал он в ужасе, – я был на даче, только что приехал, никого еще не видел – и вот на тебе, такой кошмар!

Загорский пропустил его стенания мимо ушей и осведомился, был ли Волков знаком с Беликовым.

– Разумеется, был знаком – стал бы я заглядывать в дверь к незнакомому человеку! – возмутился тот. – Нравы тут у нас простые, пролетарские, но не до такой же степени, в конце концов. Ах, бедный Сергей Иванович, это просто черт знает что такое! Кто же его убил?

Нестор Васильевич сказал, что ответить на этот вопрос он сейчас не может, поскольку и сам не знает. Но раз так вышло, не мог бы Александр Николаевич рассказать о знакомых штабс-ротмистра. Волков закивал: разумеется, разумеется, он расскажет, вот только вряд ли это чем-то поможет – среди знакомых Беликова, насколько ему известно, убийц не имелось.

Разговаривая, они вышли во двор, который как-то очень быстро стал заполняться народом. В доме, судя по всему, в основном жили русские. Мужчин среди жителей почти не было видно, похоже, все находились на службе. Зато женщин и детей было с избытком. Судя по всему, кроме Волкова все остальные уже были осведомлены о вчерашнем несчастье и оттого смотрели на пришельцев настороженно и со страхом. Среди детей Ганцзалин заметил вдруг маленькую узбечку, которую напугал вчера. Он подмигнул ей, та писк-

нула и спряталась за широкие материнские штаны. Потом, видимо, вспомнив, что она пионерка, нашла в себе силы все-таки выглянуть и посмотреть на китайца взглядом робким и в то же время сердитым.

Обсуждать интимные тайны покойного среди такой толпы показалось Нестору Васильевичу как-то не с руки, и он пригласил Волкова в квартиру Беликова. За неимением стульев – куда, кстати, делись стулья, на чем-то штабс-ротмистр должен же был сидеть хотя бы за обедом? – так вот, за неимением стульев Загорский и Волков сели на кровать, Ганцзалин же устроился на сундуке.

– Вы какой художник, – спросил Нестор Васильевич, – какого направления?

– Сложно так сразу определить, – задумался ташкентский Мефистофель. – Кубофутурист, я думаю, с легкими натуралистическими вкраплениями.

Загорский чуть заметно улыбнулся: любопытно было бы посмотреть. А он что – искусствовед? – заинтересовался Волков. Нет, он не искусствовед, он сыщик, но изобразительное искусство любит. Такой оригинальный человек, как Волков, наверняка должен быть весьма интересным художником.

– Ах ты, Боже мой, кто только у нас кому и чего не должен, – вздохнул собеседник. – Конечно, покажу вам свои картины. А сейчас давайте к делу, вы ведь допросить меня хотели?

Ну, не то чтобы допросить – допрашивает ГПУ[7]. Скорее уж расспросить, если он не возражает.

– С чего начнем? – деловито поинтересовался Волков, подтягивая на коленках сморщившееся трико.

Начать, по мнению Загорского, следовало с женщин. Была ли у Беликова пассия – вот вопрос. То есть понятно, что была, человек он хоть и немолодой, но яркий, женщинам всегда нравился. Речь о том, кто у него ходил в любовницах в последнее время.

– Думаете, нашего Сергея Ивановича убила его же собственная возлюбленная? – спросил Волков понимающе.

Ничего он не думает, просто эта самая возлюбленная наверняка была посвящена в тайны покойного, и если кто и знает что-то об убийцах, так это, скорее всего, она и есть. Волков задумчиво посмотрел куда-то вверх.

– Дамы, дамы, – сказал он, – ох уж эти дамы!

Неожиданно, не меняя задумчивого выражения лица, он тихонько запел:

– La donna è mobile…
Qual piuma al vento…
Muta d'accento –

---

[7] ГПУ – Государственное политическое управление, орган, ставший преемником ВЧК, в 1922–1923 годах отвечал за государственную безопасность в РСФСР. В 1923 году был переименован в ОГПУ СССР, в 1934 – в НКВД, с 1954 годы – КГБ СССР.

e di pensiero…[8]

Загорский терпеливо ждал. Так же внезапно художник перестал петь и без улыбки поглядел на Нестора Васильевича.

– Была, – сказал, – была одна дама. Видел я ее пару раз, но нас не представили. А я и не хотел, знаете, зачем лезть в чужие дела?

– Что за дама? – спросил Загорский. – Молодая или не очень, русская или из местных?

Дама не так, чтобы очень юная, отвечал Волков, а, впрочем, скорее молодая, чем старая – за тридцать, но тридцати пяти еще нет. Русской он ее бы не назвал, но на узбечку не очень похожа. Скорее, туркменка. Довольно высокая, то есть по тутошним меркам страшила, здесь любят маленьких. Совершенно по пословице: мал золотник, да дорог. У него самого, понимаете ли, жена высокая, так туземцы над ним смеются – кого за себя взял, неужели поменьше найти не мог?

– Не знаете, где работает эта таинственная гостья? – спросил Загорский.

Где работает? Тут Волков ничего сказать не мог, не интересовался. Смог бы он ее узнать? Ну, разумеется. А зачем, простите, ему ее узнавать? Он ведь может просто нарисовать ее портрет.

– Боже мой, – сказал Нестор Васильевич и хлопнул себя

---

[8] Волков поет знаменитую арию герцога Мантуанского «Сердце красавиц склонно к измене».

по лбу. – Ведь вы художник, а я даже и не подумал. Конечно, портрет, это все упрощает. Сколько вам нужно, чтобы нарисовать нашу барышню?

Волков заявил, что за час вполне управится. Нестор Васильевич был очень доволен. Имея изображение любовницы штабс-капитана, они уже не будут двигаться вслепую. В конце концов, можно отдать его Зинкину, чтобы женщину искали уполномоченные.

Волков отправился работать, а Загорский и Ганцзалин пошли пообедать. Художник рекомендовал им очень приличную столовую неподалеку. Он съели плов, выпили чаю и вернулись домой. Там во дворе уже сидел Волков в своем неизменном берете. Вот, сказал он чрезвычайно довольный и повернул к ним холст. На холсте в загадочном беспорядке расположились разноцветные квадраты, треугольники, круги и ромбы.

– Это что? – оторопело спросил Ганцзалин.

– Это портрет, – отвечал Волков. – Я назову его «Портрет незнакомки на фоне убийства».

Несколько секунд он горделиво смотрел на вытянувшиеся физиономии Загорского и его помощника, потом понемногу стал меняться в лице и наконец спросил тревожно.

– Вам что же, не нравится, как я пишу? Картина недостаточно хороша?

Ганцзалин только зубами скрипнул. Более выдержанный Нестор Васильевич отвечал в том смысле, что картина пре-

красна, однако найти по ней человека представляется совершенно невозможным.

– Вы полагаете? – смутился Волков. – Боже мой, но что же делать тогда? Я надеялся, что мой портрет «Неизвестная на фоне убийства» войдет в сокровищницу русского изобразительного искусства, а тут явились два сыщика и подвергают мое творчество необоснованной критике. А знаете ли, что меня хвалил сам Бурлюк? Да что Бурлюк, меня оба Бурлюка хвалили! Все три Бурлюка[9] меня хвалили и говорили, что в портретном ремесле нет мне равных со времен Леонардо да Винчи…

Нестор Васильевич поглядел на художника внимательно и заметил, что уголок рта у того как-то странно подергивается. Что такое, неужели приступ? Этого только не хватало – спасать полузнакомого человека, бьющегося в падучей. Но тут он взглянул в глаза Волкову и заметил там пляшущих чертенят.

– Вы разыграли нас? – спросил Загорский с облегчением.

Волков кивнул, улыбаясь.

– И у вас есть традиционный портрет этой дамы?

Художник молча протянул Загорскому альбомный листок, где карандашом была чрезвычайно натуралистично изображена восточная женщина лет тридцати – тридцати

---

[9] Братья Давид, Владимир и Николай Бурлюки – известные художники и литераторы, особенно популярные перед революцией и в первые годы советской власти.

двух. Загорский некоторое время внимательно ее разглядывал.

– Любопытно, – сказал он наконец. – А вы рисовали как есть, ничего не меняли?

– Точность почти фотографическая, – отвечал Волков, – а в чем дело?

Нестор Васильевич заметил, что такая отчетливая прорисовка черт лица обычно бывает у человека, который занимается тяжелым физическим трудом или особенным образом тренируется. Волков с любопытством посмотрел на Загорского и сказал, что черты лица у Загорского тоже очень ясно выражены: они словно вырезаны в граните.

– Об этом я и говорю, – кивнул Загорский. – Едва ли наша барышня ворочает камни в каменоломне, значит, дело в тренировках. Хотел бы я знать, что она такое тренирует.

– Жесткий цигун[10]? – предположил Ганцзалин.

– Не исключено, – пробормотал Загорский, продолжая изучать рисунок. – Ладно, посмотрим, что это за леди Макбет такая.

– Да, – засмеялся Волков, – именно леди Макбет, совершенно точно вы определили ее суть. Ах, дамы, дамы, наше благословение и наше проклятие…

---

[10] Цигун – система физических, дыхательных и энергетических упражнений, позволяющих значительно развить природные способности человека, увеличить его силу, ловкость и быстроту, а также восприимчивость к явлениям окружающего мира. Жесткий цигун характеризуется, помимо прочего, способностью разбивать твердые предметы руками, терпеть сильную боль и т. д.

Художник снова начал мурлыкать арию герцога Мантуанского. Терпеливо дослушав последний аккорд, Загорский решил взять дело в свои руки.

– Дорогой Александр Николаевич, – сказал он, – вы нам чрезвычайно помогли. С вашего позволения, нам нужно кое-куда сходить по делам.

– Понимаю-понимаю, – воскликнул Волков. – Версии, вам нужно проверить версии! У вас наверняка уже есть подозреваемые. Что ж, не смею вас задерживать, а лучше вы задержите преступников!

Рассмеявшись своему нехитрому каламбуру, художник встал с кровати и церемонно поклонился – сначала Загорскому, потом Ганцзалину. Если вдруг он им понадобится, он их найдет. Точнее, наоборот, если они ему понадобятся, они его найдут… Одним словом, они поняли друг друга.

И Волков неожиданно легко выпорхнул из комнаты. Хозяин и помощник переглянулись.

– На главпочтамт, – скомандовал Загорский. – Если она там, мы ее сразу узнаем.

На конверте, который был у Нестора Васильевича, стоял штамп почтового отделения, откуда было отправлено письмо Беликова, так что гадать, куда именно идти, им не пришлось. Главпочтамт располагался на углу Крылова и Пушкинской, рядом с консерваторией. Редкие тополя на этой стороне улицы не защищали от прямых лучей солнца, и тротуар раскалялся так, что, казалось, можно на нем яичницу жарить.

– Яичницу жарить мы пока не будем, – решил Загорский, – а вот телеграмму, пожалуй, пошлем.

В здание он вошел один, оставив Ганцзалина печься на солнце. Окинул быстрым взглядом помещение с работниками и редкими посетителями и увидел сидящую за стойкой высокую женщину со строгим лицом.

Очередь Нестора Васильевича подошла через десять минут. Очаровательно улыбаясь, он навис над строгой барышней, протянул ей бланк, на котором значилось: «Туркестан, Ташкент, Главпочтамт». Текст телеграммы гласил: «В раю ужасно скучно. Облака жесткие, арфа, на которой приходится играть, расстроена и фальшивит. Апостол Петр на побывку не отпускает. Жалею о случившемся. Ваш Беликов».

Прочитав телеграмму, почтовая барышня подняла глаза на Загорского. В глазах этих плескалась тьма…

Спустя несколько секунд праздные зеваки, сидевшие на корточках возле здания консерватории, увидели, как дверь главпочтамта распахнулась, оттуда стрелой выскочила высокая женщина в платье и шароварах и сломя голову бросилась прочь. Следом за ней метнулся невесть откуда взявшийся китаец, в несколько прыжков догнал беглянку. Та заметалась между деревьями, но ловкий китаец не давал ей удрать и наконец окончательно прижал к тополю. Та развернулась и сверкнула на него обжигающим черным из глаз.

– Убью! – прошипела она…

Ганцзалин только ухмыльнулся и железной рукой вывер-

нул ей запястье.

Когда Нестор Васильевич вышел из здания почты, глазам его представилось фантастическое зрелище. На другой стороне улицы, недалеко от консерватории, на горячих кирпичах тротуара лежал Ганцзалин. Верхом на нем сидела почтовая барышня. Коленом она упиралась китайцу в кадык, а правой рукой, видимо, пыталась выдавить ему глаз. Ганцзалин перехватил ее руку и сопротивлялся изо всех сил, но было видно, что надолго его не хватит.

Расстояние между почтой и сражающимися Загорский преодолел за несколько секунд. В прыжке он сбил женщину на землю и покатился вместе с ней по тротуару, стараясь, впрочем, не ранить и не травмировать слишком тяжело. Хорошее воспитание, однако, сыграло с ним злую шутку. Пока они катились, женщина так ткнула Загорского в живот твердым кулачком, что у него перед глазами поплыли звезды. Превозмогая боль, он попытался выкрутить ей руку. Однако та проявила необыкновенную ловкость и, вывернувшись, как змея, осыпала Загорского градом молниеносных ударов. Один из них достиг-таки его горла. По счастью, он пришелся вскользь, однако Нестор Васильевич закашлялся и вынужден был выпустить противницу.

Та воспользовалась моментом и ринулась прочь. Нестор Васильевич, продолжая кашлять, проводил ее оторопелым взглядом. Потом вернулся к Ганцзалину, который с трудом поднялся и сидел теперь прямо на тротуаре, ошалело глядя

перед собой.

– Ты стареешь, дружище, – сказал Нестор Васильевич, – с тобой справилась женщина.

– На себя посмотрите, – огрызнулся Ганцзалин.

Загорский помог ему подняться. Под глазом у помощника наливался огромный синяк.

– Ты цел? – спросил Нестор Васильевич с некоторой тревогой.

– Там видно будет, – проворчал Ганцзалин.

Несколько секунд они мрачно смотрели друг на друга.

– Похоже, этот противник нам не по зубам, – наконец сказал Нестор Васильевич. – Надо бы обзавестись оружием.

Глава четвертая. Жизнь и смерть красноармейца

«Дорогая моя и разлюбезная мамаша Капитолина Александровна!

Так что пишет вам с оказией сын ваш, красноармеец Пухов, стоя в ночи на станции Туркестан в далекой от родного нашего села Кри́вичи жаркой туркестанской сторонке. Страна эта, дорогая моя мамаша, не похожа на то, что вы видели в предыдущую свою жизнь, и не дай вам, конечно, Бог такого увидеть и в будущем. Здесь кругом целыми днями жаркое лето, солнце печет до мозгов, а воды в пейзаже почти никакой, только из железного бака, да и то по приказанию командира, товарища Веретенникова. Цветет эта вода безбожно, и хотя ее всегда надо кипятить, но все равно очень я опасаюсь происхождения от нее чумы, холеры или других, неизвестных науке заболеваний.

По всему периметру обступают наш паровоз степи и пустыни, шипят змеи и как бешеные скачут козлы, называемые для красоты речи сайгаками. Обычные козлы тут тоже имеются, но в гораздо меньшем количестве, а все больше овцы и зачем-то верблюды. Верблюд, разлюбезная мамаша, это такой лошадиный ублюдок, по виду как будто собрались со всей деревни мужики и мутузили его весь вечер, а потом от-

пустили душу на покаяние. Описать его человеческим языком нельзя, а другим, извините, не решаюсь. На спине у него две кочки, и если влезть между ними, он так сдавит, что хоть караул кричи. Кроме того, далеко и метко плюется, часто попадая в морду лица. Меня это несчастье не коснулось, поскольку сызмальства вашими заботами рос юрким и смышленым, а некоторые другие красноармейцы, не такие грамотные, исплеваны были до насквозь. Зачем в хозяйстве такая скотина, никак не пойму – разве что для борьбы с мировой контрреволюцией, и то вряд ли. Ходят, однако, слухи, что с него стригут теплую шерсть, полезную от ревматизмов, молоко пьют, а жареное мясо пускают в прожор. Что ж, очень может быть. Места тут насквозь татарские, а они, известно, едят все, даже коней с верблюдами, а вина при этом никакого нет или, может быть, от трудового народа прячут.

Как меня забросило в такую даль, об этом, мамаша, отдельный и обстоятельный разговор. Скажу только, что благодаря своей грамотности попал я в охранную команду, а везем мы ценную книгу, по которой все на свете татары молятся своему татарскому Богу. Раньше книга эта лежала в городе Уфе, теперь, значит, пришло ей время сдвинуться к югу, в город Ташкент, а нам – вместе с ней. Не знаю, зачем ее охранять и кому такое добро кроме татар надобно, но сказано охранять – будем охранять хоть до наступления мировой революции (по-вашему, мамаша, это все равно как второе Пришествие).

Вообще страна тут исключительно татарская, хотя и православные попадаются. Комиссары, как и положено, все больше из жидков, но наш товарищ Веретенников – такой русский человек, что хоть кол на нем теши и гвозди из него делай. Очень это положительный и свойский командир, хотя и строгий. Совсем не забалуешь у него – как начнет орать, волосы дыбом. Слава, думаешь, тебе, Господи, что сейчас не военный коммунизм и к стенке просто так за здорово живешь любого-всякого уже не прислоняют, а только особо отличившихся. Пиф, как говорится, паф и ой-ей-ей – вот тебе и весь разговор. Ну, да нам с такими не по дороге, поскольку нам революция – мать родна.

Племена тут живут тоже татарские, но между собой по названиям различаются: есть киргизы, есть кайсаки, узбеки есть и прочие разные тюркмены. Все почти ходят в халатах и малахаях, а бабы не только в платьях, но в штанах под ними. Некоторые бабы также закрывают накидкой волосы, это называется чадра, а другие – и все лицо вместе с телом до колен, это есть паранджа. Из-за этого никак нельзя понять, красивая перед тобой или так, оторви и брось. И даже, говорят, при свадьбе женихи сами не знают, кого им сосватали. И только уже обженившись, понимают, какой выпал на их долю удивительный крокодил. По этой грустной причине многие здешние мужчины имеют по две, три и более жен, так как пытаются всякий раз угадать красивую, но никак не могут.

Что же касаемо нашего задания, то оно довольно-таки сек-

ретное, чтобы не прознали враги мировой революции. Вам же я об этом пишу, как вы есть моя мамаша и от вас у меня секретов никаких нет и быть не может, поскольку вы через меня тоже стали не обычная крестьянка, а сроднились, если можно так сказать, с мировым пролетариатом.

Еда здесь также хорошая, нажористая. Больше всего любят плов, разные баурс**á**ки и лагм**á**н. Это вроде нашей лапши, но сытная, с мясом. Мяса тут едят много, и чего бы его не есть, если оно ходит вокруг на четырех ножках, мекает и само просит, чтобы его съели. От здешнего киргиза слышал я такую присказку. Среди всех, кто ест мясо, киргизы в мире на втором месте. А кто на первом? Волки. Мне это совсем не смешно кажется, но сами киргизы радуются, как дети, как будто кто больше мяса съест, тот и в рай попадет без пропуска.

Саму книгу, которую везем, нам не показывают, ее в особом ящике хранят. Сопровождают нас несколько ученых татар, среди которых главный Риз**á**[11] и один еврей, фамилия Шмит[12]. Этот еврей, видя мою грамотность, объяснил, что

---

[11] Пухов имеет в виду Ризаитдина Фахретдинова – башкирского и татарского писателя-просветителя, ученого-востоковеда, религиозного деятеля. Фахретдинов был председателем комиссии по передаче Корана Усмана туркестанским мусульманам. С 1922 по 1936 годы – муфтий Центрального духовного управления мусульман.

[12] Александр Эдуардович Шмидт – русский и советский арабист, востоковед, преподаватель. В 1920-е годы – профессор Туркестанского университета, участвовал в доставке Корана Усмана из Уфы в Ташкент.

книге этой уже тысяча с лишком лет, поездила она по всему миру, а теперь на родину возвращается. Написал ее Магометов зять, Хали́ Осма́н[13]. Потом злые люди этого Хали убили, а кровь его попала на страницы книги, и оттого книга эта у татарских племен считается первой и главной среди всех книг. Зачем такую книгу отымать у наших татар в Уфе и отдавать другим татарам, ташкентским, этого я понять не могу. Еврей Шмит на это говорит, что традиция и уважение, и что раньше много веков книга эта лежала как раз-таки у ташкентцев в городе Сморка́нд[14]. В Сморканде этом есть могила местного святого, который при жизни ее у себя хранил и после смерти пожелал, чтобы она его не покидала…»

– Пухов, – позвал Веретенников. – Слышь меня, Пухов?!

Пухов оторвался от письма, поднял голову.

– Что-то подозрительно тихо вокруг. Сходи обойди вагон, глянь, все ли в порядке. Фонарь возьми, а то темно на улице – хоть глаз выколи.

Пухов кивнул, сказал «слушаюсь», взял со стола английский фонарь, встал, одернул гимнастерку, прошел к выходу. Выпрыгнул из вагона в черную, теплую как летняя вода, темноту. У них в средней полосе если на улице темно – то, значит, холодно и уж по меньшей мере прохладно. А здесь воздух и ночью такой теплый, что кожа его не чувствует. Дневной жары нет уже, но тепло, тепло, и весь ты растворяешься

---

[13] То есть халиф Усман.

[14] То есть Самарканд.

в этой теплоте.

Пухов услышал шорох за вагоном – как будто какое крупное животное пробежало: то ли волк, то ли козел. Положил ладонь на кобуру, расстегнул, ощутил под рукой прохладу нагана. Им кроме винтовок в этот раз выдали и наганы. Винтовка хороша на открытых пространствах, во время боя, а когда помещение небольшое, действовать наганом сподручнее. Выхватил, пах-пах! – кончено дело.

Хотел обойти вагон, но передумал. Нырнул прямо под него, между колесами, но сразу на другой стороне вылезать не стал, затих на минуточку. Ждал. Если есть кто, рано или поздно себя объявит.

И точно. Не так увидел красноармеец Пухов, как почувствовал – с той стороны вагона пробежала неслышная тень. А вот мы тебя сейчас…

Ловко выскочил из-под вагона, наставил наган в спину темной тени, скомандовал негромко:

– Стоять! Руки!

Тень застыла.

– Руки! – повторил Пухов. Злоумышленникам такой окрик обычно сильно не нравится, это значит, что он, красноармеец Пухов, в любой миг готов открыть стрельбу по врагам мировой революции.

Тень подняла руки вверх. Но как-то неуверенно подняла, боязливо.

– Повернись, – велел Пухов.

Тень медленно повернулась. Луна светила слишком слабо, чтобы разглядеть лицо, но что-то в очертаниях тени показалось ему подозрительным. Какая-то неправильная была эта тень, ни на кого не похожая.

Пухов включил фонарь, свет ударил в зажмурившуюся физиономию. Пухов ахнул.

– Баба, – сказал он удивленно, и тут же поправился: – Девка!

Чадра покрывала голову девушки, но не закрывала ее лица. Лицо это было нежным, юным и уж точно не мужским.

– Ты что тут делаешь? – Пухов фонарь чуть притушил, сам подошел поближе. – Что рыскаешь возле особого объекта? Тут девкам нельзя, слышишь меня или нет?

Она смотрела на него, изогнув длинную шею и слегка прикрыв лицо ладонью, сквозь растопыренные пальцы видны были черные, как ночь, глаза. Пухов почему-то подумал, что трудно человеку без женщины, и что даже тут, в Туркестане, среди явных татар, попадаются очень милые собой девушки. И, может, хорошо, что они тут только ненадолго остановились, а скоро уже будут в Ташкенте, отдадут бусурманскую книгу и с Богом поедут обратно в Оренбург, где все понятно и кроме всем известных татар и башкир полно также русских баб и девок, женись на любой – не хочу.

– Ты чего тут? – повторил он, делая еще шаг вперед. – Заблудилась, что ли? Как звать?

– Нурудди́н, – отвечала та, и свет отразился от белых зу-

бов. Воображение мгновенно дорисовало губы – красные, зовущие, желанные.

– А меня Пухов, – хриплым голосом сказал красноармеец, шагая еще немного вперед и оказываясь к ней совсем близко. – Василий, стало быть, Тимофеевич. Ты вообще как – замужем или свободная? Муж у тебя есть?

Она молчала и смотрела все так же – лукаво и зовуще. Глаза ее, привыкшие к свету, уже не щурились и казались огромными, нечеловеческими. В таких глазах хотелось утонуть, а еще губ ее хотелось – красных, жарких, и всего тела – гибкого, стройного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.